The background of the book cover is a watercolor-style illustration. In the top left, there is a large, intricate red mandala-like pattern. The middle section is a light beige area with faint, illegible Japanese text. The bottom section features a colorful, abstract landscape with green, blue, and red elements, possibly representing a coastal scene with waves and rocks. The title and author information are framed in black boxes.

Японский
СЭЛИНДЖЕР
и американский
МУРАКАМИ
в одном флаконе!

Рут Озеки

Моя рыба будет жить

Сказка
о временном
существовании

Шорт-лист (АСТ)

Рут Озеки

Моя рыба будет жить

«АСТ»

2013

УДК 821.111-31 (73)

ББК 84 (7Coe)-44

Озеки Р.

Моя рыба будет жить / Р. Озеки — «АСТ», 2013 — (Шорт-лист (АСТ))

ISBN 978-5-17-085627-5

Рут Озеки — американка японского происхождения, специалист по классической японской литературе, флористка, увлеченная театром и кинематографом. В 2010 году она была удостоена сана буддийского священника. Озеки ведет активную общественную деятельность в университетских кампусах и живет между Бруклином и Кортес-Айлендом в Британской Колумбии, где она пишет, вяжет носки и выращивает уток вместе со своим мужем Оливером. «Моя рыба будет жить» — это роман, полный тонкой иронии, глубокого понимания отношений между автором, читателем и персонажами, реальностью и фантазией, квантовой физикой, историей и мифом. Это увлекательная, зачаровывающая история о человечности и поисках дома.

УДК 821.111-31 (73)

ББК 84 (7Coe)-44

ISBN 978-5-17-085627-5

© Озеки Р., 2013

© АСТ, 2013

Содержание

Часть I	6
Нао	6
1	6
2	7
3	8
4	8
Рут	10
1	10
2	10
3	11
4	12
5	12
6	12
Нао	14
1	14
2	15
3	16
4	18
5	18
6	20
7	21
Рут	23
1	23
2	24
3	25
4	27
5	28
6	29
Нао	31
1	31
2	31
3	33
4	35
5	36
6	38
Рут	39
1	39
2	40
3	41
4	42
5	43
6	44
7	46
Нао	48
1	48
2	49

	3	52
	4	54
	5	56
Рут		57
	1	57
	2	57
	3	58
	4	62
	5	63
	6	64
Нао		67
	1	67
	2	68
	3	69
Конец ознакомительного фрагмента.		71
Примечания переводчика		

Рут Озеки

Моя рыба будет жить

Для Масако, отныне и навсегда

Часть I

Древний будда как-то сказал:

*Существуя во времени, стоя на горной вершине,
Существуя во времени, движась в океанских глубинах,
Существуя во времени, восьмирукий демон с тремя
головами,
Существуя во времени, золотой
шестнадцатифутовый Будда,
Существуя во времени, посох монаха или мухобойка
учителя¹,
Существуя во времени, столб или фонарь,
Существуя во времени, любой Дик или Джейн²,
Существуя во времени, вся земля и бесконечное небо.
Догэн Дзэндзи³. Существуя во времени!¹¹*

Нао

1

Привет!

Меня зовут Нао, и я – временное существо. Ты знаешь, что такое временное существо? Ну, если ты дашь мне минутку, я объясню.

Временное существо – это кто-то, кто существует во времени: ты, я, любой, кто когда-либо жил или будет жить. Я, например, сижу сейчас в кафе французских горничных на Акибахаре, в Городе Электроники, и слушаю печальный французский шансон, который играет где-то в твоём прошлом, которое одновременно – моё настоящее. И я думаю о тебе – как ты там, где-то в моём будущем? И если ты это читаешь, ты, наверно, тоже думаешь обо мне.

Ты думаешь обо мне.

Я думаю о тебе.

Кто ты и что ты сейчас делаешь?

Может, ты свисаешь с поручня в нью-йоркском сабвее или отмокаешь в горячей ванне в Саннивэйле?

¹ *Хоссу* (яп.) – метелка из конских хвостов, которые носили с собой дзэн-буддийские монахи.

² *Чосан риши* (яп.) – буквально «третий сын Жаня или четвертый сын Ли»; идиома, означающая «любой обычный человек». Я перевела это как «любой Дик или Джейн», но с тем же успехом можно было бы сказать «любой Том, Дик или Гарри».

³ *Эйхэй Догэн Дзэндзи* (1200–1253) – японский учитель дзэн и автор «*Сёбогэндзо*» («Сокровищница глаза истинной дхармы»). «Существуя во времени» («*Юдзи*») – выдержка из одиннадцатой главы.

Загораешь на пляже в Пхукете, или тебе полируют ногти в педикюрном салоне в Абу-Даби?

Ты женского пола или мужского? Или где-то посередине?

Может, твоя девушка готовит тебе вкуснящий ужин, а может, ты ешь холодную китайскую лапшу из картонки?

Может, ты свернулся калачиком, отгородившись спиной от храпящей жены? Или ждешь, когда, наконец, твой возлюбленный выйдет из ванной, чтобы страстно заняться с тобой любовью?

У тебя есть машина? И девушка сидит у тебя на коленях? Может, твой лоб пахнет кедром и свежим морозным воздухом?

На самом деле, это не так уж важно, потому что к тому времени, как ты это прочтешь, все уже будет по-другому, и ты где-то – да нигде в особенности – лениво перелистываешь страницы этой книги, записок о моих последних днях на земле, и думаешь, стоит ли читать дальше.

И если ты решишь, что не стоит – эй, никаких проблем, потому что по-любому ты не тот, кого я жду. Но если ты решишь продолжать, тогда знаешь что? Ты – временное существо моего типа, и вместе мы будем творить волшебство!

2

Тьфу. Это было тупо. Надо, чтобы получалось лучше, а то ты уже наверняка недоумевал, что за глупая девица могла написать такое.

Ну, я могла.

Нао могла.

Нао – это я, Наоко Ясутани. Это мое полное имя, но ты можешь звать меня Нао, как и все остальные. И мне надо бы рассказать о себе побольше, если мы собираемся и дальше общаться!...☺

Правда, тут мало что изменилось. Я все еще сижу в кафе французских горничных на Акибахаре, в Городе Электроники, и Эдит Пиаф начала очередной грустный шансон, и Бабетта только что принесла мне кофе, и я уже отпила глоток. Бабетта – моя горничная, а еще она – мой новый друг, а мой кофе – «Блю Маунтин», и я пью его черным, что необычно для девчонки-подростка, но это – единственный способ пить хороший кофе, если, конечно, у тебя есть хоть капелька уважения к горьким бобам.

Я отогнула носок^[2] и почесала под коленкой.

Я расправила складки юбки, чтобы лежали ровно.

Я заправила волосы (они у меня до плеч) за правое ухо, где у меня пять дырочек, но теперь я скромно позволяю им опять упасть на лицо, потому что отаку⁴-саларимен, что сидит за соседним столиком, ужасно на меня пялится, и мне это противно, но одновременно смешно. Я в своей форме из средней школы, и по тому, как он меня разглядывает, понятно, что у него неслабый фетиш насчет школьниц, а если так, то какого он приперся в кафе французских горничных? Нет, правда, он что, тупой?

Но догадки не всегда верны. Все меняется, все возможно, и кто знает – может, я тоже перемену свое мнение о нем. Может, в следующую минуту он наклонится неловко в мою сторону и скажет что-то настолько неожиданно-красивое, что нахлынувшая нежность смоет первое впечатление: сальные волосы и противный цвет лица, и я даже снизойду до разговора с ним, и, в конце концов, он пригласит меня на шопинг, и если сможет убедить меня, что безумно влюблен, я пойду с ним в торговый центр и он купит мне миленький кардиган, или кейтай⁵,

⁴ Отаку (お宅) – одержимый фан или фанатик, компьютерный гик, «ботаник».

⁵ Кейтай (携帯) – сотовый телефон.

или сумочку, хотя денег у него явно не слишком. А потом мы, наверно, пойдем в какой-нибудь клуб, будем пить коктейли и завалимся в конце концов в лавотель^[3] с огромным джакузи, и, после того, как мы примем ванну, только я начну расслабляться, он обнажит свое истинное лицо, и свяжет меня, и наденет пакет из-под моего нового кардигана мне на голову, и изнасилует, и через несколько часов полиция обнаружит мое обнаженное безжизненное тело с неестественно вывернутыми конечностями на полу рядом с кроватью «под зебру».

А может, он просто попросит задушить его понарошку моими трусиками, пока он кончает от их чарующего аромата.

А может, ничего из этого не случится, кроме как в моем воображении, и в твоём, конечно, тоже – ведь я уже тебе говорила, вместе мы творим волшебство, по крайней мере, на какое-то время. Или пока мы в нём существуем.

3

Ты все еще здесь? Только что перечла, что я тут написала про отаку-саларимена, и хочу извиниться. Это было пошло. Не слишком хороший способ начать.

Я не хочу, чтобы у тебя сложилось неверное впечатление. Я не глупа. Я знаю, что Эдит Пиаф на самом деле звали вовсе не Пиаф. И я не озабоченная, и не хентай⁶. Я вообще не фанат хентая, так что если ты как раз фанат, то отложи, пожалуйста, эту книгу и не читай дальше, ладно? Тебя ждет разочарование, только время потратишь зря, потому что эта книга – точно не интимный дневник девицы с отклонениями, набитый розовыми мечтами и извращенскими фетишами. Это совсем не то, что ты думаешь, потому что моя цель – записать перед смертью удивительную историю жизни моей сточетырехлетней прабабушки, буддийской монахини.

Ты, наверно, думаешь, что монахини – это не так уж интересно, но тогда моя прабабушка – исключение, и совсем не в извращенском смысле. Конечно, наверняка есть много извращенских монахинь... ну, может быть не так уж много, но священников-извращенцев уж точно хватает, священники-извращенцы – они повсюду... но мой дневник точно не о них и не об их странных повадках.

Этот дневник расскажет историю жизни моей прабабушки Ясутани Дзико. Она была монахиней и писателем, «новой женщиной»⁷ эпохи Тайсё⁸. Еще она была анархисткой и феминисткой, и любовников у нее было полно, и мужчин, и женщин, но извращенскими делишками она никогда не занималась. Конечно, по ходу дела я могу упомянуть пару свиданий, но все, что я напишу, будет исторически верно и должно будет помогать женщинам поверить в свои силы, а всякой дурацкой мутоты о гейшах здесь не будет. Так что если ты любитель клубнички, пожалуйста, закрой эту книгу и отдай ее жене или коллеге – сэкономишь себе кучу времени и усилий.

4

Мне кажется, в жизни важно иметь четкую цель, как ты считаешь? Особенно, если времени осталось немного. Потому что если четкой цели нет, то время у тебя может закончиться, и ты обнаружишь себя на парاپете очень высокого здания, или в кровати с упаковкой таблеток

⁶ *Хентай* (変態) – извращенец, человек с сексуальными отклонениями.

⁷ «Новая женщина» – выражение, бытовавшее в Японии в начале 1900-х; описывало прогрессивную, образованную женщину, которая отвергала сковывающие рамки традиционной культуры.

⁸ *Эпоха Тайсё* (1912–1926), получила название по имени императора Тайсё; другой термин – «демократия Тайсё», короткий период социальной и политической либерализации, окончившийся, когда власть была захвачена милитаристами правого крыла, что привело Японию к участию во Второй мировой войне.

в руках, думая при этом: «Блин! Я все запорол. Если б только у меня с самого начала были четкие цели!»

Я тебе все это говорю, потому что вообще-то не собираюсь тут надолго задерживаться, и с тем же успехом ты можешь знать об этом заранее, чтобы не делать преждевременных выводов. Выводы – это отстой. Это как ожидания. Ожидания и преждевременные выводы способны похоронить любые отношения. Так что давай мы с тобой в эту сторону двигаться не будем, о'кей?

Правда в том, что совсем скоро я собираюсь окончить свое пребывание во времени, или, может, не стоит говорить «окончить», потому что это звучит, будто я и в самом деле достигла цели, сдала экзамен и заслуживаю двигаться дальше; а факты таковы: мне только что исполнилось шестнадцать, и не достигла я ровно ничего. Ноль. Зеро. Что, звучит жалко? Это я не нарочно. Просто хочу быть точной. Может быть, вместо «окончить» мне надо было сказать, что я собираюсь бросить время. Вылететь из времени. Оборвать свое существование. Я считаю моменты.

Раз...

Два...

Три...

Четыре...

О, я знаю! Давай считать моменты вместе⁹?

⁹ Более подробные комментарии о моментах дзэн см. в приложении А.

Рут

1

Вспышку Рут уловила самым краешком глаза – блик отраженного солнечного света блеснул из-под перепутанной массы бурых водорослей, извергнутых океаном во время прилива. Она было решила, что это блестит дохлая медуза, и чуть не прошла мимо. Последнее время берег буквально заполонили медузы – чудовищные алые жгучие создания, будто раны на прибрежном песке.

Но что-то заставило ее остановиться. Она наклонилась, разворошила носком кроссовка кучу водорослей и потыкала туда палкой. Распутав змеящиеся стебли, она смогла раздвинуть их настолько, что стало ясно: блестела вовсе не медуза, а какой-то предмет из пластика – пакет. Ничего удивительного. Океан кишит пластиком. Она еще поворошила водоросли, пока не докопалась до угла, за который можно было ухватиться. Пакет оказался тяжелее, чем она ожидала, – выдавший виды пластиковый пакет для заморозки, весь покрытый морскими желудами, будто сыпью. Наверное, он провел в море немало времени – так она подумала. Внутри пакета просвечивало что-то красное – чей-то мусор, конечно, выкинутый за борт или брошенный после пикника или пляжной вечеринки. Океан вечно выплевывал что-то на берег, а потом заглатывал обратно: рыболовные снасти, поплавки, пивные банки, пластмассовые игрушки, тампоны, кроссовки «Найк». Пару лет назад это были отрезанные ноги. Люди постоянно натывались на них по всему побережью острова Ванкувер после прилива. Одну нашли прямо здесь, на этом берегу. Никто не мог объяснить, что случилось с остальными частями тел. Рут не хотелось даже думать о том, что могло разлагаться там, внутри пакета. Она забросила его повыше на берег, намереваясь забрать на обратном пути, чтобы донести до дома и выкинуть.

2

– Что это еще такое? – Услышала она голос мужа из прихожей.

Рут готовила ужин: она резала морковь и была в состоянии предельной концентрации.

– Это, – повторил Оливер, не услышав ответа.

Она подняла глаза. Он стоял в дверях кухни, помахивая потрепанным пакетом для заморозки. Рут оставила пакет на крыльце, думая выкинуть попозже, но отвлеклась.

– Ой, брось это, – сказала она. – Это мусор. На берегу подобрала. Не заноси в дом, пожалуйста.

И почему она должна объяснять?

– Но там что-то есть, внутри, – сказал он. – Тебе разве не хочется посмотреть?

– Нет, – сказала она. – Ужин почти готов.

И все равно он притащил пакет в дом и возложил на кухонный стол. С пакета сыпался песок. Но такой уж он был – стремление знать было неотъемлемой частью его натуры: разбирать вещи на составные части, а потом вновь собирать их в единое целое – иногда. Морозилка у них была вечно забита свертками с трупиками птиц, землероек и других мелких животных, которые приносил кот, – они лежали там в ожидании, пока их препарируют и набьют чучело.

– Там не один пакет, – доложил он, бережно расстегивая первый и откладывая его в сторону. – Там их много, один в другом.

Кот, привлеченный бурной деятельностью, вспрыгнул на стол, намереваясь помочь. Коту на стол было нельзя. Вообще-то у кота было имя, Шрёдингер, которое никогда не использовалось. Оливер звал его Пестицидом, иногда сбиваясь на Песто. Кот вечно был занят нехоро-

шим – потрошил белок посреди кухни, аккуратно раскладывая крошечные блестящие внутренности, кишки и почки, прямо перед дверью спальни, так, чтобы Рут могла наступить на них посреди ночи, направляясь босиком в туалет. Они выступали командой, Оливер и кот. Когда Оливер шел наверх, кот шел наверх. Когда Оливер шел вниз поесть, кот шел вниз. Когда Оливер шел наружу пописать, кот шел наружу пописать. В настоящий момент Рут наблюдала, как они изучают содержимое пластиковых пакетов. Она поморщилась, ожидая, что вот-вот вонь от чьего-то подгнившего пикника или еще чего похуже забьет аромат их ужина. Чечевичный суп. На ужин был чечевичный суп и салат, и она только что добавила розмарин.

– Как ты думаешь, это возможно – препарировать мусор на крыльце снаружи?

– Ты сама его подобрала. И потом, мне не кажется, что это мусор. Слишком аккуратно упаковано. – Он продолжал свои криминалистические изыскания.

Рут втянула носом воздух, но ощутила лишь запах песка, соли и моря.

Внезапно он рассмеялся.

– Глянь, Песто, – сказал он. – Это ж для тебя! Коробка для ланчей Hello Kitty!

– Я тебя очень прошу! – сказала Рут, начиная испытывать отчаяние.

– А внутри там что-то есть...

– Я серьезно! Я не хочу, чтобы ты открывал это здесь. Просто вынеси на...

Но было уже поздно.

3

Он аккуратно разгладил пакеты, сложил их стопочкой по размеру от большего к меньшему, потом рассортировал содержимое на три части: небольшая стопка писем, написанных от руки; пухлый томик в выцветшем красном переплете; массивные антикварные наручные часы с матовым черным циферблатом и флуоресцентными стрелками. Рядом – коробка для ланчей Hello Kitty, которая сохранила все эти предметы от разрушительного воздействия океана. Кот нюхал коробку. Рут подхватила его поперек живота и спустила на пол, а затем переключила внимание на предметы на столе.

Письма, похоже, были написаны на японском. Заглавие на обложке красной книги отпечатано на французском. Пометки на тыльной стороне часов трудно было разобрать, так что Оливер извлек свой айфон и открыл приложение-микроскоп, чтобы изучить гравировку.

– Мне кажется, это тоже японский, – проговорил он.

Рут перебирала стопку писем, пытаясь разобрать выцветшие иероглифы, выписанные синими чернилами.

– Почерк старомодный и беглый. Красивый, но я не могу разобрать ни слова. – Она отложила письма и взяла у него часы.

– Да, – сказала она. – Это японские цифры. Но не дата. Йон, нана, сан, хачи, нана. Четыре, семь, три, восемь, семь. Может, серийный номер?

Она приложила часы к уху, надеясь услышать тиканье, но часы были сломаны. Она отложила их в сторону и взяла в руки ярко-красную коробку для ланчей. Из-за этого оттенка красного, просвечивающего сквозь исцарапанный пластик, она было приняла пакет для заморозки за ядовитую медузу. Сколько же коробка плавала в море, пока ее не выбросило на берег? Края крышки были снабжены резиновым ободком. Рут взяла книгу, которая оказалась на удивление сухой; обтянутая тканью обложка была потертой и мягкой на ощупь, уголки истрепались от небрежного обращения. Она поднесла книгу к носу и вдохнула едва ощутимую затхлость, запах заплесневелой бумаги и пыли. Посмотрела на название.

– *À la recherche du temps perdu*, – прочитала она. – Марсель Пруст.

4

Им нравились книги, в особенности старые, дом был ими переполнен. Книги были повсюду: они теснились на полках, груды возвышались на полу, на стульях, на ступеньках лестницы, но ни Оливер, ни Рут не возражали. Рут была писателем, а писатели, уверял Оливер, просто обязаны держать кошек и книги. И в самом деле, покупка книг послужила для нее своего рода компенсацией после переезда на остров, затерянный где-то в самой середине Десолейшн-Саунд^[4], где публичная библиотека состояла из одной маленькой комнаты над общественным залом собраний и была вечно забита детьми. Помимо обширной коллекции литературы для юношества и пары бестселлеров для взрослых, собрание библиотеки практически полностью состояло из книг по садоводству, изготовлению консервов, здоровому питанию, альтернативной энергии, альтернативной медицине и альтернативному воспитанию. Рут скучала по изобилию и разнообразию городских библиотек, их простору и тишине, и, когда они с Оливером переехали на маленький остров, они договорились, что она сможет заказывать любые книги, какие только захочет, – что она и делала. Она это называла предварительными исследованиями, но в итоге большинство книг прочитывал Оливер, а она – только пару или тройку. Ей просто нравилось, когда вокруг были книги. Но в последнее время она стала замечать разбухшие от влажного морского воздуха страницы и чешуйниц, поселившихся в переплетах. Открывая книгу, она часто ощущала запах плесени, и это ее печалило.

– «В поисках утраченного времени», – произнесла она, переводя заглавие, набранное золотыми литерами на красном корешке. – Никогда не читала.

– Я тоже, – сказал Оливер – И я не думаю, что осилю ее на французском.

– Угум, – согласилась она. Но все же открыла обложку, из любопытства – сумеет ли она понять хотя бы первые несколько строк. Она думала увидеть потемневшие от времени страницы фолио, текст, набранный старомодным шрифтом, и была совершенно застигнута врасплох. Фиолетовые чернила, подростковый почерк, скачущий по странице, – это выглядело как насмешка, надругательство, и от шока она чуть не выронила книгу.

5

Машинописный текст предсказуем и не несет отпечатка личности – информация передается глазу читателя механически.

Рукописные строки, напротив, сопротивляются глазу, медленно обнажая смысл, – они интимны, как прикосновение к коже.

Рут взглядела в страницу. Выписанные фиолетовым слова были в основном английскими, с редкой россыпью японских иероглифов, но она воспринимала не столько смысл слов, сколько чувство, ощущение – мрачное, эмоциональное, идущее от личности автора. Пальцы, сжимавшие фиолетовую гелиевую ручку, точно принадлежали девочке, подростку. Ее почерк, эти петлястые строки, захваченные бумагой, отражали ее настроения и тревоги, и в тот же миг, как ее взгляд упал на страницу, Рут совершенно точно знала, что кончики пальцев у девочки были розовыми и влажными, и что она беспрерывно обкусывала ногти.

«Привет!» – прочла она. – «*Меня зовут Нао, и я – временное существо. Ты знаешь, что такое временное существо?..*»

6

– Флотсем, – сказал Оливер. Он изучал морские желуди, облепившие поверхность внешнего пакета. – Поверить не могу.

Рут взглянула на него поверх страницы:

– Ну конечно, это флотсем. Или джетсем^[5]. – Она ощущала, как книга теплеет у нее в ладонях, и ей хотелось продолжить чтение, но вместо этого она услышала свой голос: – Какая, собственно, разница?

– Флотсем имеет случайное происхождение, предметы, которые находят плавающими в море. А джетсем – это то, что было выброшено в море нарочно. Это вопрос намерения. Так что ты права, это может быть и джетсем. – Он положил пакет обратно на стол. – Думаю, начинается.

– Что начинается?

– Дрейфующий мусор, – проговорил он, – начинает покидать круговое Тихоокеанское течение...

Глаза у него азартно блеснули; видно было, что он взбудоражен. Она отложила книгу на колени:

– Что такое круговое Тихоокеанское течение?

– Существует двенадцать больших круговых мировых течений, – сказал он. – Два из них движутся от берегов Японии и разделяются, достигая побережья Британской Колумбии. Более слабое, Алеутское течение, направляется на север, к Алеутским островам. Более сильное идет на юг. Его еще называют иногда Черепашьим течением, потому что морские черепахи пользуются им во время миграции от Японии к Бэйе.

Руками он показал большой круг. Кот, заснувший было на столе, явно почувствовал его волнение: один зеленый глаз приоткрылся, чтобы понаблюдать.

– Представь себе Тихий океан, – сказал Оливер. – Черепашье течение идет по часовой стрелке, а Алеутское – против. – Руки его то двигались по кругу, то описывали арки, показывая движение воды в океане.

– А это не то же самое, что Куро시오?

Он уже рассказывал ей про Куро시오. Другое его название – «Черный поток», оно несет теплые тропические воды от побережья Азии и к северо-западному окоему Тихого океана. Но теперь он помотал головой.

– Не совсем, – возразил он. – Круговые течения масштабнее. Они могут состоять из нескольких течений поменьше. Представь себе кольцо из змей, каждая из которых кусает за хвост следующую. Куро시오 – одно из четырех или пяти течений, составляющих Черепашье.

Она кивнула. Закрыв глаза, она представила себе змей.

– Каждое круговое течение обращается с определенной скоростью, – продолжал он, – и период обращения называется «тоном». Красиво, правда? Как музыка сфер. Самый долгий период обращения составляет тринадцать лет, что задает основной тон. У Черепашьего течения – полутон, шесть с половиной лет. У Алеутского – четверть, три года. Флотсем, который перемещается по кругу в водах мирового течения, называется дрейфующим мусором, или дрифтом. Дрифт постоянно остается в орбите, считается частью памяти течения. Количество мусора, постоянно покидающего орбиту, позволяет определить период полураспада дрифта... Сколько тот или иной предмет может провести в орбите течения...

Подобрав со стола коробку Hello Kitty, он повертел ее в руках.

– Все эти вещи – из японских домов, смытых цунами в океан? Люди уже давно строят предположения, гадают, когда их выбросит на наше побережье. Я думаю, это просто произошло раньше, чем думали.

Нао

1

Столько всего нужно написать. С чего же начать?

Я написала моей Дзико смску с этим вопросом, и вот что она написала в ответ: 現在地で始まるべき¹⁰.

Ну хорошо, дорогая моя старушка Дзико. Я начну прямо здесь, в «Милом фартучке Фифи». «Фифи» – это кафе с горничными, одно из тех, что высыпали вдруг на каждом углу на Акибахаре¹¹ пару лет назад. Но у «Фифи» есть изюминка – она оформлена в стиле французского салона. Декор интерьера – в розовых и красных тонах, с акцентами золота, черного дерева и слоновой кости. Столики – круглые и уютные, со столешницами под мрамор и ножками под резное черное дерево; стулья – в том же стиле, с пухлыми розовыми сиденьями. Темно-красные бархатные розы вьются по обоям, а окна задрапированы атласом. Потолок позолочен, и с него свисают хрустальные канделябры и маленькие голенькие пупсы «кьюпи»^[6] – они парят в углах, как облачка. Еще есть прихожая и гардероб с журчащим фонтаном и статуей обнаженной дамы, подсвеченной пульсирующим красным лучом.

Не знаю, насколько это оформление аутентично, – никогда не бывала во Франции. Но думаю – и я практически уверена, что права, – в Париже вряд ли много похожих кафе с французскими горничными. Это не важно. Атмосфера в «Милом фартучке Фифи» очень шикарная и одновременно уютная, будто тебя запихнули внутрь огромной клаустрофобной валентинки; а горничные, с их выпирающими декольте и в форме с кружевами, тоже смахивают на хорошие валентинки.

К сожалению, сейчас здесь довольно пусто, если не считать нескольких смахивающих на отаку¹² личностей, занявших столик в углу, и пары пучеглазых американских туристов.

Горничные, выстроившиеся рядком, имеют надутый вид. Они теребят кружево своих коротеньких нижних юбок; выглядят они скучающими и разочарованными, будто надеются, что вот-вот появятся новые, более интересные клиенты и станет повеселее.

Атмосфера было оживилась немного, когда один из отаку заказал омурайс¹³ с рожицей Hello Kitty, нарисованной поверх кетчупом. Горничная по имени Мими (как гласит ее бейджик) покормила его с ложечки, преклонив колени и дуя на каждую порцию, прежде чем сунуть ему в рот. Американцы просто тащились от этого зрелища, которое, надо признать, было дико смешным. Хотелось бы мне это тебе показать. Но вот он доел, Мими унесла грязную тарелку, и теперь опять скучно. Американцы только кофе пьют. Муж пытается развести жену, чтобы она позволила ему заказать омурайс Hello Kitty, но она для этого слишком зажата. Я перехватываю ее шепот, что омурайс – это слишком дорого, и нельзя сказать, что она не права. Цены здесь сумасшедшие, но мне кофе достается бесплатно, потому что Бабетта – мой друг. Я дам тебе знать, если жена вдруг чуток расслабится и передумает.

¹⁰ *Гензайчи де хадзимарубеки* – Начни с того места, где ты находишься. Иероглифы *Гензайчи* используются на картах: «ВЫ ЗДЕСЬ».

¹¹ *Акибахара* (秋葉原) – район Токио, знаменитый рынок электроники, центр японской фан-культуры, сложившейся вокруг манги.

¹² *Отаку* (お宅) – это также формальная манера обращения. (宅) значит «дом», а с приставкой-обращением (お) выражение означает буквально «Ваш многоуважаемый дом», подразумевая, что тот, к кому обращаются, – это скорее место, чем человек, с постоянным местонахождением и под крышей. Логично, что современный стереотип отаку – это затворник, одержимый одиночеством; социально изолированный человек, который редко покидает дом.

¹³ *Омурайсу* (オムライス) – омлет, смешанный с рисом для плова, запавленный кетчупом и сливочным маслом.

Раньше так не было, конечно. Бабетта говорит, что, когда кафе с горничными были «Нинки № 1!»¹⁴, клиенты выстраивались в очередь и ждали часами, только чтобы получить столик, а горничные все были самые миленькие девушки в Токио, и голоса их заглушали шум и гам Города Электроники, когда они кричали: «Окайринасаймасае, даннасама!»¹⁵, – мужчины от этого чувствуют себя важными и богатыми. Но сейчас мода прошла, и горничные больше уже не *то самое*, и единственные клиенты – это иностранные туристы, или отаку¹⁶-провинциалы, или жалкие, отсталые хентаи с устарелым фетишем на горничных. Горничные тоже теперь не такие уж милашки, потому что сейчас можно сделать гораздо больше денег, будучи медсестрой в медицинских кафе или плюшевым пушистиком в Бедтауне¹⁷. Французские горничные – это уж точно нисходящий тренд, и все это знают, так что никто не старается слишком сильно, не лезет из кожи вон. Девушки. Можешь сказать, что это – депрессивное окружение, но меня лично расслабляет, когда никто вокруг не лезет вон из кожи. Вот когда все стараются чересчур, это – депрессивно, но самое депрессивное – это когда все стараются, и думают, что у них и в самом деле получается. Конечно, раньше здесь так и было: бодро звенят колокольчики и смех, очередь клиентов огибает квартал, и милашечки-горничные лебезят перед владельцами кафе, а те расхаживают вокруг в дизайнерских темных очках и винтажных «левайсах», прямо черные принцы или моголы игровых империй. Им было откуда падать, этим чувакам.

Так что я совсем не против. Мне эта обстановка вроде как даже нравится, потому что я знаю: для меня всегда найдется свободный столик здесь, в «Милом фартучке Фифи», и музыка тут о'кей, и горничные теперь меня узнают и, как правило, оставляют в покое. Может, им стоит сменить название на «Унылый фартучек Фифи». О, а это здорово! Мне нравится!

2

Моей старушке Дзико очень нравится, когда я рассказываю ей о современной жизни со всеми деталями. Она теперь редко где бывает, потому что живет в храме в горах в жуткой глуши, и вообще удалилась от мира, и тот факт, что ей сто четыре года, тоже играет роль. Уже не раз писала, что это – ее возраст, но на самом деле это только догадка. Мы не знаем точно, сколько ей лет, а она уверяет, что не помнит. Когда ее спрашиваешь, она отвечает:

– Дзуйбун нагаку икасарете итадаите оримасу не¹⁸.

Это не ответ, так что спрашиваешь еще раз, и она говорит:

– Со десу не¹⁹. Я так давно не считала...

Так что ты спрашиваешь, когда ее день рождения, и она говорит:

– Хмм, что-то я не припомню, как меня рожали...

А если ты решишь приставать к ней дальше и спросишь, сколько она уже живет, она ответит:

– Всегда была, сколько я себя помню.

Ну да, Ба, спасибо большое, объяснила!

¹⁴ *Нинки нанба уан!* – что-то самое популярное, номер один по популярности.

¹⁵ *Окайринасаймасае, даннасама!* – Добро пожаловать домой, о мой господин!

¹⁶ ...а еще, поскольку слово «отаку» – это почтительное обращение, то, когда его используют как личное местоимение второго лица, это создает своего рода социальную дистанцию между говорящим и *ты/вы*, к которому обращаются. Традиционно эта дистанция носит уважительный характер, но может также обозначать иронию или пренебрежение.

¹⁷ Не могу найти никаких ссылок на медицинские кафе или Бедтаун. Она что, это выдумывает?

¹⁸ *Дзуйбун нагаку икасарете итадаите оримасу не* – «Я уж достаточно пожила, разве нет?» Перевести совершенно невозможно, но если вникать в нюансы, получается что-то вроде: «Глубинные побуждения Вселенной позволили моей жизни длиться, за что я глубоко и смиренно благодарна».

¹⁹ *Со десу не...* – Ммм, да. Полагаю, это...

Все, что мы знаем наверняка, – это то, что нет никого старше ее, кто мог бы помнить, а семейный реестр сгорел вместе с муниципалитетом во время бомбежки во Вторую мировую. Пару лет назад она, наконец, остановилась на ста четырех, и с тех пор так оно и остается.

Так вот, как я говорила, моя старушка Дзико очень любит детали, и ей нравится, когда я рассказываю ей обо всех этих звуках, и запахах, и красках, и огнях, и рекламе, и людях, и модах, и газетных заголовках, которые составляют шумный океан Токио, и поэтому я натренировала себя слушать и запоминать. Я ей рассказываю все, про культурные тренды и про газетные статьи, которые я читаю, – про школьников, которых насилюют и душат в лавотелях. Ты можешь рассказывать Ба всякие такие штуки, она не будет против. Я не имею в виду, что все это ее радует. Она не хентай. Но она понимает, что в жизни случается всякое, и просто сидит рядом, и слушает, и кивает головой, и перебирает бусины дзюдзу²⁰, благословляя всех этих несчастных школьников, и извращенцев, и всех созданий, которые страдают в этом мире. Она монахиня, так что это – ее работа. Честное слово, иногда мне кажется, что главная причина, по которой она до сих пор жива, – это персонажи моих рассказов, за которых ей можно молиться.

Я ее спросила как-то, почему ей нравятся подобные истории, и она мне объяснила, что, когда проходила посвящение, она обрила голову и приняла обеты босацу²¹. Одним из обетов было спасти всех существ в мире, что в общем и целом значит, что она согласилась не достигать просветления, пока все остальные не просветлятся до нее. Это вроде как пропускать всех в лифт впереди себя. Если подсчитать, сколько существ пребывает на этой земле в любое время, а потом прибавить тех, которые рождаются каждую секунду, и всех тех, которые уже умерли, – и не только людей, а еще всех животных и другие формы жизни вроде амёб и вирусов, и, может, даже растений, всех, которые жили или когда-либо будут жить, плюс вымершие виды – начинаешь понимать, что до просветления может быть очень и очень далеко. И что, если лифт заполнится и двери закроются, а ты все стоишь снаружи?

Когда я спросила об этом Ба, она потеряла свою блестящую голову и сказала:

– Со дэсу не. Это очень большой лифт...

– Но Ба, это то же займет вечность!

– Что ж, значит, нам надо стараться еще сильнее.

– *Нам?!*

– Конечно, милая моя Нао. Ты должна мне помочь.

– Ну уж нет! – сказала я Ба. – Я не какой-то там гребаный босацу...

Но она лишь причмокнула губами, и заклацала четками, и по тому, как она посмотрела на меня через эти свои толстые линзы в черной оправе, думаю, может, она благословляла меня тоже в ту минуту. Я не против. Я почувствовала себя надежнее, вроде как знала: что бы ни случилось, Ба сделает так, чтобы я попала в тот лифт.

Знаешь что? Вот прямо в эту секунду, пока писала, я поняла кое-что. Я так ее никогда и не спросила, куда же идет этот лифт. Я сейчас напишу ей смску и спрошу. Я дам тебе знать, как она ответит.

3

О'кей, вот теперь я точно собираюсь рассказать тебе удивительную историю жизни Ясутани Дзико, знаменитой анархистки-феминистки-романистки-ставшей буддийской монахиней эпохи Тайсё, но сначала мне нужно объяснить тебе про книгу, которую ты держишь в руках²². Как тебе, наверно, уже ясно, это не похоже на типичный дневник невинной школьницы с пуши-

²⁰ Дзюдзу (数珠) – буддийские четки.

²¹ Босацу (菩薩) – бодхисатва, пробужденное существо, буддийский святой.

²² Пухлый томик небольшого формата, вероятно, crown octavo (13×19 см).

стыми зверьками на блестящей розовой обложке, с замочком в форме сердца и золотым ключиком в комплекте. И когда книга впервые попала тебе в руки, вряд ли тебе пришло в голову: «О, вот милый, невинный дневник, написанный интересной японской школьницей! Вот здорово, надо бы почитать!» Потому что, когда книга оказалась у тебя, твоим предположением было, что это философский шедевр *À la recherche du temps perdu* знаменитого французского писателя Марселя Пруста, а не пустячный дневник, написанный никому не известной Нао Ясутани. Так что здесь мы доказали прописную истину: не суди книгу по обложке²³!

Надеюсь, разочарование не слишком сильно. Содержимое той книги Марселя Пруста было извлечено, но не мной. Я купила ее уже в таком, уже выпотрошенном виде в маленьком бутике на Харадзюку²⁴, где торгуют хэнд-мейдом. Они там продают сделанные в одном экземпляре вещицы вроде связанных крючком шарфиков или чехлов для кейтаев, бисерных фенечек и другие крутые штуки. Делать что-то своими руками – это последний писк в Японии, и все подряд вяжут спицами и крючком, изучают бисероплетение и пепакура²⁵, но у меня руки не из того места растут, так что мне приходится покупать самодельные вещи, чтобы не выпасть из тренда. Девчонка, которая делает эти дневники, – суперзнаменитый крафтер, она контейнерами покупает старые книги со всех концов мира, а потом аккуратно вырезает все отпечатанные страницы и вставляет на их место чистые листы. Делается это настолько аутентично, что подмена вообще не заметна – можно подумать, буквы просто соскользнули со страницы и упали на пол, как кучка дохлых муравьев.

В последнее время в моей жизни происходят гадостные вещи, и в тот день, когда я купила дневник, я прогуливала школу, меня взяла тоска, и я решила пройтись по магазинам в Харадзюку, чтобы немного взбодриться. Увидев книги на витрине, я сначала не поняла, в чем дело, но потом девушка-консультант показала мне подмену и, конечно, не купить это было невозможно. И это было недешево, но мне так понравилось ощущение от потертой обложки, и сразу стало понятно, что писаться в ней будет здорово, – это как настоящая опубликованная книга. Но лучше всего то, что это идеальная мера безопасности.

Не знаю, бывали ли у тебя когда-нибудь проблемы с людьми, которые тебя быют, крадут твои вещи и используют их потом против тебя, но если бывали, то ты поймешь, что эта книга – совершенно гениальная штука. Скажем, один из моих тупых одноклассников решит забрать у меня дневник, прочесть и запостить в интернете или что-нибудь еще. Но кто станет охотиться за старой книгой под названием *À la recherche du temps perdu*, верно? Мои тупые одноклассники просто подумают, что это домашнее задание для дзюку²⁶. Они даже не поймут, что это значит.

На самом деле я тоже не знала, что это значит, поскольку мои познания во французском сводятся к нулю. Там продавалось много книг с разными названиями. Некоторые были на английском, например, «Большие надежды» и «Путешествия Гулливера», что, в общем, годится, но я подумала, что лучше будет купить книгу с названием, которое я вообще не смогу прочитать, – вдруг, если я буду знать название, это станет помехой моему собственному креативу. Книжки на других языках там тоже были – на немецком, на русском и даже на китайском, но в итоге я выбрала *À la recherche du temps perdu*, потому что сообразила: это, верно, французский, а французский – это круто и утонченно; кроме того, по размеру книга идеально вписывалась в мою сумочку.

²³ Обложка потертая, обтянута тусклой красной тканью. Название оттиснуто потускневшими золотыми литерами на передней обложке и еще раз – на корешке.

²⁴ Харадзюку (原宿) – район Токио, знаменитый центр молодежной культуры и уличной моды.

²⁵ Пейпакура (ペーパー・クラ) – поделки из бумаги, от английского papercrafts.

²⁶ Дзюку (塾) – подготовительные курсы.

4

Как только я купила книгу, мне, конечно, захотелось начать в ней писать, так что я пошла в ближайшую кисса²⁷ и заказала «Блю Маунтин», потом достала мою любимую фиолетовую гелиевую ручку и открыла книгу на первой чистой кремовой странице. Отпила горький глоток и стала ждать, когда придут слова. Я ждала и ждала, отпила еще кофе, и опять ждала. Ничего. Болтать я умею, и, думаю, тебе уже ясно, что обычно у меня со словами проблем нет. Но в этот раз, хотя мне было что сказать, слова не шли. Это было странно, но я решила, что вся эта история со старой-новой книгой меня просто подавляет, и что рано или поздно это пройдет. Так что я допила кофе, почитала парочку манга и, когда уроки в школе должны были закончиться, пошла домой.

На следующий день я попробовала опять, но случилось то же самое. И потом каждый раз, стоило мне достать книгу и увидеть название, в голову мне начинали лезть всякие мысли. То есть Марсель Пруст должен бы быть довольно важной фигурой, если даже такие, как я, о нем слышали. Даже если я сначала не знала, кто он, собственно, такой, – думала, он знаменитый шеф-повар или там французский дизайнер. Вдруг его призрак до сих пор цепляется к обложке, разъяренный проделками ловкой девчонки, которая вырезала его слова? И вдруг этот призрак мешает мне, чтобы я не вздумала писать в его великой книге всякие глупости, которые пишут обычно школьницы, – ну, там, о мальчиках, которые мне нравятся (не то чтобы у меня они были), или про модные вещи, которые я хочу (список бесконечен), или про мои толстые ляжки (на самом деле с ляжками у меня все в порядке, а вот коленки свои я ненавижу). В общем-то призрак старины Марселя можно понять – он вправе беситься, если думает, что у меня нет мозгов и я стану писать в его великой книге подобную лажу.

И даже если бы призрак был «за», вряд ли бы у меня возникло желание использовать его книгу для подобных банальностей, не будь даже это мои последние дни на земле. Но поскольку это *в самом деле* мои последние дни на земле, я тоже хочу написать что-то значительное. Ну, может, не такое уж значительное, потому что я ничего значительного не знаю, но что-то стоящее. Я хочу оставить после себя что-то настоящее.

Но о чем таком настоящем я могу написать? Конечно, можно описать весь тот отстой, который со мной происходит, или чувства по отношению к так называемым друзьям, но что-то не хочется. Каждый раз, когда я думаю о моей тупой бессмысленной жизни, прихожу к выводу, что я просто зря трачу время, и я такая не одна. Все, кого я знаю, заняты тем же, кроме старушки Дзико. Просто тратят время, убивают время, чувствуют себя отстойно.

И что вообще это значит – тратить время? Если ты потратил время, утрачено ли оно навсегда?

И если время утрачено навсегда, что это значит? Не то, что ты умрешь из-за этого раньше, правда? Я хочу сказать, если нужно умереть раньше, за дело приходится браться самому.

5

Короче, все эти отвлекающие размышления насчет призраков и времени всплывали в моем сознании каждый раз, как я пробовала писать в книге старины Марселя, пока, наконец, я не решила, что необходимо понять название. Я спросила Бабетту, но она мне помочь ничем не могла, потому что, конечно, она никакая не французская горничная, а вылетевшая из школы бывшая старшеклассница из префектуры Чива и все, что она знает по-французски, – это пара сексуальных фразочек, она подцепила их у того старпера, французского профессора, с которым

²⁷ Кисса (喫茶) – кофейня.

одно время встречалась. Так что, когда я вернулась тем вечером домой, я погуглила Марселя Пруста и узнала, что *À la recherche du temps perdu* означает «В поисках утраченного времени».

Странно, правда? Только представь, вот я сижу в кафе французских горничных на Акибе и думаю о потерянном времени, а сто лет назад во Франции сидел старина Марсель Пруст и писал (и написал) целую книгу на ту же самую тему. Так что, может, его призрак, обитающий в обложке, и взломал мой мозг, а может, это просто сумасшедшее совпадение, но в любом случае, ты понимаешь, насколько это круто? Мне кажется, совпадения – это потрясающе, даже если они ничего не значат, но вдруг? Вдруг все-таки значат! Я не говорю, что все происходящее имеет смысл и цель. Чувство, скорее, такое, будто мы со стариной Марселем на одной волне.

На следующий день я опять пришла в «Фифи» и заказала маленький чайник лапсанг сучонга – я его иногда пью для разнообразия вместо «Блю Маунтин». И пока я сидела там, потягивая чай с дымком, отщипывая по кусочку от французского пирожного и ожидая, когда Бабетта устроит мне свидание, я задумалась.

Как вообще ищут утраченное время? Это интересный вопрос, и я написала Дзико смску, как делаю всегда, когда сталкиваюсь с философской дилеммой. А потом мне пришлось очень, очень долго ждать, но, наконец, мой кейтай издал тоненький писк, означающий, что она написала ответ. И вот, собственно, что она написала:

あるときや
ことのはもちり
おちばかな* 28

Что примерно означает:

Для сущих во времени
Рассыпаны слова...
Разве это опавшие листья?

Я не сильна в поэзии, но когда я читаю этот стих старушки Дзико, у меня перед глазами встает образ огромного старого гинкго, который растет рядом с ее храмом²⁹. Листья – маленькие зеленые веера – по осени становятся ярко-желтыми; опадая, они укрывают землю и все вокруг плотным золотым ковром. И тут я сообразила, что это огромное старое дерево – временное существо, и Дзико тоже временное существо, и я могу представить себе, как ищу утраченное время под деревом, перебирая опавшие листья, которые суть рассыпанные золотые слова.

Идея насчет временного существа происходит из книги под названием «Сёбогэндзо», которую написал лет восемьсот назад древний учитель дзэн Догэн Дзэндзи, то есть он будет постарше Дзико и даже Марселя Пруста. Догэн Дзэндзи – один из любимых писателей Дзико; ему повезло: его книги до сих пор что-то значат для людей и продолжают жить своей жизнью. К сожалению, всё, что написала Дзико, давным-давно не переиздавалось, так что на самом деле я никогда не читала ее слов, но она рассказывала мне кучу историй, и я стала думать о том, что слова и истории – это тоже временные существа, и вот тогда у меня появилась идея использовать великую книгу Марселя Пруста, чтобы записать историю жизни старушки Дзико.

Дело не только в том, что Дзико – это самый значительный человек из всех, кого я знаю, хотя в этом, конечно, тоже. И не в том, что она ужасно старая и жила еще в те времена, когда

²⁸ *Ару токи я/Кото но ха мо чири/Очиба ка на. Ару токи я* – в то время, иногда, на время, для сущего во времени (有る時や). Те же кандзи используются для слова «юдзи» (有時). *Кото но ха* – буквально «листья речи» (言の葉). Те же кандзи используются для слова «котоба» (言葉) – «слово». *Очиба* – упавшие листья. Игра слов вокруг иероглифа *ха* (葉), подразумеваются упавшие слова. *Ка на* – вопросительная частица, передающая ощущение задумчивости.

²⁹ Листья гинкго добавляют в чай, чтобы улучшить память. Гинкго часто сажали рядом с буддийскими храмами, чтобы монахам было легче запоминать сутры.

Марсель Пруст писал свою книгу о времени. Может, это и так, но дело не в этом тоже. Причина, по которой я решила написать о ней в *À la recherche du temps perdu*, в том, что она – единственный известный мне человек, который на самом деле понимает время.

Старушка Дзико суперосторожна со временем. Она делает все очень, очень медленно, даже когда просто сидит на веранде, наблюдая за стрекозами, которые выписывают ленивые круги над садовым прудом. Она говорит, что делает все очень, очень медленно с целью растянуть время, чтобы его у нее было побольше, и она смогла бы жить подольше, а потом она смеется, чтобы ты понял, что это шутка.

То есть она прекрасно понимает, что время – это не то, что можно растянуть, как жвачку, и смерть не собирается стоять в сторонке и ждать, когда ты закончишь делать, что ты там делаешь, прежде чем прибрать тебя. В том-то и шутка, и она смеется потому, что знает это.

Но, правда, мне не кажется, что это так уж смешно. Хотя я не знаю точно, сколько старушке Дзико лет, но у меня нет сомнений, что довольно скоро она будет мертва, даже если не успеет домести храмовую кухню или прополоть грядку с дайконом, или составить свежий букет для алтаря, и когда она умрет, это будет ее концом с точки зрения времени. Ее это совершенно не беспокоит, но меня – беспокоит, и еще как. Это последние дни Дзико на земле, и я не могу с этим ничего сделать, и я не могу сделать ничего, чтобы остановить ход времени или хотя бы его замедлить, и каждая секунда дня – это еще одна утраченная секунда. Она, наверно, со мной не согласится, но я вижу это именно так.

Я спокойно могу представить мир без себя, потому что во мне нет ничего такого, но сама мысль о мире без старой Дзико невыносима. Она совершенно уникальная и особенная, как галапагосская черепаха или какое еще живое ископаемое, последний представитель вида, ковыляющий по иссохшей земле. Но, пожалуйста, не позволяй мне и дальше распространяться на тему об истреблении видов, потому что это ужасно депрессивно, и мне понадобится совершить самоубийство прямо сию секунду.

6

Ладно, Нао. Почему ты это делаешь? Типа, в чем смысл?

В этом-то и проблема. Единственная причина, которая приходит мне в голову, зачем вообще записывать историю жизни Дзико в эту книгу, это то, что я ее люблю и хочу ее помнить, но я не планирую оставаться здесь надолго, а как я смогу о ней помнить, если буду мертва, верно?

А кроме меня, кому это будет надо? Понимаешь, если бы я думала, что мир захочет узнать о старушке Дзико, я бы запостила ее рассказы в блоге, но, если вдуматься, я забросила это дело уже довольно давно. Просто поймала себя на том, что притворяюсь, будто кому-то в этом гребаном киберпейсе интересно, что я думаю, а на самом деле всем было глубоко фиолетово, и мне стало грустно³⁰. А когда я умножила эту грусть на миллионы людей, которые сидят в своих одиноких комнатухах, и неистово пишут, и постят на своих одиноких страничках, которые все равно ни у кого нет времени читать, потому что все пишут и постят, это вроде как разбило мне сердце.

Факты таковы, что в данный момент моя социальная жизнь не бьет ключом и люди, с которыми я общаюсь, не те люди, которым была бы интересна сточетырехлетняя буддийская монахиня, пусть даже она – *босацу*, который умеет пользоваться мейлами и смсками, и это только потому, что я заставила ее купить компьютер, чтобы мы могли оставаться на связи, когда я в Токио, а она – в полуразвалившемся храме на горе где-то в глубокой заднице. Нельзя

³⁰ «Я никогда не думал, что кому-то может быть фиолетово, да еще глубоко, – сказал Оливер. – Это разве грустно? Мне не кажется, что это грустно».

сказать, что она без ума от новых технологий, но у нее неплохо получается для временного существа с катарактой и артритом в пальцах. Старушка Дзико и Марсель Пруст – оба существа из дооптоволоконного мира, а в наши дни это время утрачено безвозвратно.

Так что сиюю я здесь, в «Унылом фартучке Фифи», плююсь на все эти пустые страницы и спрашиваю себя, зачем вообще так напрягаться, как вдруг меня поражает сногшибательная идея. Ты здесь? Лучше присядь. Вот она:

Я запишу все, что знаю о жизни Дзико, в книгу Марселя и, когда я закончу, оставлю ее где-нибудь, и ты ее найдешь!

Ну, разве не круто?! Я будто тянусь к тебе сквозь время, и теперь, когда книга найдена, ты тоже тянешься ко мне, и мы соприкасаемся!

Мое мнение – это невероятно круто и прекрасно. Это как послание в бутылке, брошенное в океан времени и пространства. Абсолютно личное и настоящее тоже, прямиком из дооптоволоконного мира Дзико и Марселя. Это как блог наоборот. Антиблог, потому что он предназначен только для одного, совершенно особого человека, и этот человек – *ты*. И если ты уже на этом месте, то теперь, наверно, понимаешь, что я имею в виду. Ты правда понимаешь? Ты уже чувствуешь свою особенность?

Я тут подожду немного, вдруг ты ответишь...

7

Шутка. Я знаю, никак ты ответить не можешь, и теперь чувствую себя глупо – вдруг никакой такой своей особенностью ты не ощущаешь? Я начала делать преждевременные выводы, да? Что, если ты подумаешь, что я просто дура, и выбросишь меня в мусор, как было со всеми этими девчонками, о которых я рассказывала Дзико, – убиты извращенцами, порезаны на куски и выкинуты на помойку только потому, что совершили ошибку, встречались не с тем парнем? Это было бы реально страшно и печально.

Или – вот еще одна пугающая мысль – вдруг ты вообще это не читаешь? Вдруг эта книга так и не попала к тебе в руки, потому что кто-то выкинул ее в мусор или отправил на переработку, как отходы? Тогда истории старой Дзико и вправду будут утрачены навсегда, и я зря теряю время, вещая изнутри помойного ящика.

Эй, там! Ответь мне! Я на помойке или нет?

Шутка. Опять.☺

Ладно, вот что я решила. Я не против риска, потому что с риском все еще интереснее. И не думаю, что старушка Дзико будет против, поскольку как буддист она знает, что такое непостоянство, и что все меняется, и ничто не вечно. Дзико точно не станет беспокоиться, будут ее истории записаны или утрачены навсегда, и, может, я немножко переняла у нее этот настрой в стиле «будь что будет». Придет время, и я смогу просто все отпустить.

Или нет. Не знаю. Может, когда я допишу последнюю страницу, мне будет слишком стыдно бросать эту книгу валяться где попало, я струшу и вместо этого все уничтожу.

Эй, если ты это читаешь, то знаешь точно – я не тряпка! Хе-хе.

И, кстати, насчет всей этой фигни с обзленным призраком Марселя – я решила на этот счет не дергаться. Когда я гуглила Марселя Пруста, я так случайно взглянула на его продажи на Амазоне, и ты не поверишь, но его книги до сих пор печатают и, в зависимости от издания, рейтинг у старика где-то между 13,695 и 79,324. Это, конечно, не бестселлер, но не так уж и плохо для мертвеца. Так что за старину Марселя ты не переживай.

Я не знаю, сколько у меня уйдет времени на этот проект. Пара месяцев, не меньше. Пустых страниц много, и у Дзико много историй, а пишу я довольно медленно, но буду очень

стараться, и, скорее всего, когда закончу последнюю страницу, старушка Дзико будет уже мертва, и мое время тоже придет.

Но я знаю, что описать жизнь Дзико во всех подробностях у меня точно не выйдет. Так что, если ты захочешь узнать о ней побольше, придется читать ее книги, если сможешь найти. Как я уже говорила, ее книги больше не издаются, и возможно, какая-то умелая девица уже вырезала все страницы и выкинула золотые слова в помойку к Прусту. Это было бы реально грустно, потому что у старушки Дзико рейтинга на Амазоне нет вообще. Я знаю, я проверяла – ее и самой-то на Амазоне нет. Хммм. Я еще подумаю об этом концепте с дневниками. Может, не так уж это и круто.

Рут

1

Кот забрался на письменный стол и планировал стратегическую высадку на колени к Рут. Когда он явился, она читала дневник; кот зашел сбоку, положил передние лапы к ней на колени и носом поддел снизу корешок книги, которая ему мешала. Оттолкнув книгу, он устроился у нее на руках и начал перебирать лапами и бодать ее в ладонь. Он был ужасно надоедлив. Вечно требовал внимания.

Почесывая коту лоб, она закрыла дневник и положила на стол, но, даже отложив книгу, она продолжала ощущать тревогу, будто немедленно нужно сделать... что? Помочь девочке? Спасти ее? Это было просто смешно.

Когда она еще только начинала читать дневник, первым импульсом было быстро дочитать до самого конца, но местами почерк был неразборчив, а текст густо пересыпан жаргонизмами и интригующими разговорными выражениями. С того времени, как Рут жила в Японии, прошли годы, и, хотя она до сих пор владела разговорным языком на приличном уровне, словарь ее устарел. В университете Рут изучала японскую классику – «Повесть о Гэндзи», драму *но*, «Записки у изголовья» – литературу, история которой насчитывала столетия и даже тысячелетия, но знакомство с японской поп-культурой было у нее самым поверхностным. Иногда девочка делала попытки объяснять, но по большей части подробностями себя не утруждала, так что вскоре Рут поймала себя на том, что постоянно сидит в интернете, изучая и проверяя информацию из дневника, а вскоре она уже выкопала свой старый словарь кандзи, и переводила, и царапала заметки об Акибе и кафе с горничными, отаку и хентаях. А еще была эта анархистская феминистская дзэн-буддийская монахиня.

Она опять склонилась к монитору и задала новый поиск на Амазоне, «Дзико Ясутани», но, как и предупреждала Нао, не нашла ничего. Она погуглила Нао Ясутани, и опять – ничего. Кот, раздраженный тем, что на него не обращают внимания и постоянно ерзают, спрыгнул с колен. Он терпеть не мог, когда человек сидит за компьютером и использует пальцы, чтобы стучать по клавишам и водить мышкой, вместо того, чтобы чесать ему голову. По его мнению, это была пустая трата вполне пристойной пары рук, так что он удалился на поиски Оливера.

С Догэном ей повезло больше; его главный труд, «Сёбогэндзо», или «Сокровищница глаза истинной дхармы», имел рейтинг на Амазоне, хотя и далеко не такой, как у Пруста. Конечно, он жил в начале тринадцатого века, и Пруст был нам ближе почти на семьсот лет. Когда она запустила поиск на «временное существо», оказалось, что это выражение – часть названия одиннадцатой главы «Сёбогэндзо» в английском переводе, и ей удалось обнаружить несколько переводов, снабженных комментариями. Древний учитель дзэн обладал сложными и исполненными тончайших нюансов взглядами на время, которые она нашла поэтичными, но довольно туманными. *«Время – само по себе существо (сущность), и всякое существо – это время... По сути, все во Вселенной связано самым тесным образом, подобно моментам времени, непрерывным и разделенным».*

Рут сняла очки и протерла глаза. Отпила глоток чаю; в голове у нее все еще теснились вопросы; она даже не заметила, что чай совсем остыл. Кто такая эта Нао Ясутани и где она теперь? Конечно, она ни разу не сказала прямо, что собирается совершить самоубийство, но это явно подразумевалось. Может быть, она сидит где-то на краю кровати, стиснув в руках упаковку таблеток и стакан с водой? Или пресловутый хентай успел добраться до нее раньше? Или, может, она приняла решение не кончать жизнь самоубийством и все равно сгинула во время землетрясения или цунами – хотя в этом предположении смысла было немного. Цунами

случилось в Тохоку, в Северной Японии. Нао писала в кафе с горничными в Токио. Но что она вообще делала в кафе с горничными? «Фифи»? Звучит как название борделя.

Она откинулась на спинку стула и стала глядеть в окно на крохотный кусочек горизонта между двумя высокими кронами. «Сосна есть время», – писал Догэн, – «и бамбук есть время. Горы есть время. Океаны есть время...» Темные тучи низко висели в небе, нижний край почти неразличим на фоне тусклого, недвижимого моря. Цвет орудийного металла. На той стороне Тихого океана лежали истерзанные берега Японии. «Если время исчезнет, горы исчезнут и океаны исчезнут». Может, девочка где-то там, в этих бесконечных водах – труп уже разложился и волны разносят остатки?

Рут взглянула на пухлый красный томик, на потускневшие золотые буквы, оттиснутые на обложке. Он лежал поверх толстой неряшливой стопки заметок и страниц черновика, из которой во все стороны торчали разноцветные закладки и прочие материалы в измятом виде. Стопка являлась плодом ее почти десятилетней работы над воспоминаниями. Действительно, *À la recherche du temps perdu*. Не будучи в состоянии закончить очередной роман, она решила вместо этого написать о годах, которые она провела, ухаживая за матерью, страдавшей синдромом Альцгеймера. Сейчас, глядя на стопку, она ощущала только быстро подкрадывающуюся панику при мысли о собственном утраченном времени, о безнадежной путанице в черновиках, и о работе, которую следовало проделать, чтобы привести все это в порядок. О чем она только думала, тратя драгоценные часы на чью-то чужую историю?

Она взяла в руки дневник и быстро прошелестела по обрезау большим пальцем, пролистнув страницы до самого конца. Она сознательно не вчитывалась в текст; ей хотелось только посмотреть, шли ли записи до самого конца, или текст обрывался на середине. Сколько дневников она начала и бросила сама? Сколько незаконченных книг чахло в папках у нее на жестком диске? Но, к ее удивлению, хотя строки иногда меняли цвет от фиолетового к розовому, а потом к синему и вновь возвращались к фиолетовому, их бег был непрерывен; текст становился все мельче, будто концентрированное, и шел до самой последней, густо исписанной страницы. Бумага у девчонки кончилась быстрее, чем слова.

А потом?

Рут быстро захлопнула книгу и даже закрыла глаза, чтобы не дать себе сжульничать, заглянув на последнюю страницу, но вопрос остался, повиснув в воздухе, как ожог на сетчатке под закрытыми веками, в темноте ее сознания: *Что случилось в конце?*

2

Мюриел изучала колонию морских желудей на внешнем пакете, сдвинув очки для чтения на кончик носа.

– Я бы на твоём месте показала это Калли. Может, она сумеет прикинуть возраст этих тварей и можно будет подсчитать, сколько это пробыло в воде.

– Оливер думает, это первая волна дрейфующего мусора после цунами, – сказала Рут.

Мюриел нахмурилась.

– Думаю, это возможно. Но мне кажется, это было бы слишком скоро. Они там на Аляске и в Тофино только начали замечать предметы, то, что полегче, но мы-то расположены глубже к материку. Где, ты сказала, ты это нашла?

– На южном конце берега, под ранчо Япов.^[7]

Никто на острове больше не называл так это ранчо, но Мюриел была старожилом и могла понять, о чем речь. Старая усадьба, одно из самых красивых на острове мест, когда-то принадлежала японской семье; они вынуждены были продать дом, когда их интернировали во время войны. С тех пор владение несколько раз переходило из рук в руки и теперь принадлежало чете пожилых немцев. С тех пор как Рут впервые услышала это прозвище, она упрямо продолжала

его использовать. Японское происхождение дает мне на это право, говорила она, и нельзя позволять нью-эйджевской политкорректности коверкать историю острова.

– Тебе-то можно так говорить, – возражал Оливер. Его родные были выходцами из Германии. – Но насчет себя я сомневаюсь. Не слишком честно.

– Вот именно, – отвечала Рут. – Это было нечестно. Семейю моей мамы тоже интернировали. Может, мне стоит подать иск на возвращение земли от имени моего народа. Эту собственность у нас отняли. Я могла бы просто пойти к ним, сесть на пороге и отказаться уходить. Вернуть собственность на землю и выкинуть немцев вон.

– А что ты имеешь против моего народа? – осведомлялся Оливер.

Таким уж был их брак, альянс стран Оси в миниатюре: ее родные пережили интернирование, его – бомбежки в Штутгарте. Одно из маленьких последствий войны, разыгравшейся до того, как оба они появились на свет.

– Мы – побочный продукт середины двадцатого века, – говорил Оливер.

– А кто – нет?

3

– Я сомневаюсь, что это – последствие цунами, – сказала Мюриел, откладывая пакет для заморозки обратно на стол и переключая внимание на коробку Hello Kitty. – Скорее, выброшено с круизного судна, следующего по Внутреннему проходу, или, может быть, японские туристы...

Песто, до того обвивавший себя вокруг ног Мюриел, теперь вспрыгнул к ней на колени и нанес прицельный удар лапой по толстой седой косе, свисавшей у нее с плеча, как змея. Кончик косы был перехвачен пестрой бисерной резинкой, которую Песто находил неотразимой. Висячие серьги ему тоже нравились.

– Мне по душе нарратив, в котором есть цунами, – сказала Рут, неодобрительно глядя на кота.

Мюриел перекинула косу за спину, вне зоны досягаемости кота, и, чтобы отвлечь, почесала ему белую полоску между ушами. Она взглянула на Рут поверх очков.

– Так себе идея. Не нужно позволять своим предпочтениям насчет нарратива влиять на исследование.

Мюриел была антропологом на пенсии; предметом ее изучения были помойные кучи. О мусоре она знала немало. Еще она была заядлым собирателем выброшенных на берег предметов, и отрезанная нога попала как раз ей. Она гордилась своими находками: костяные крючки и наживки, кремневые наконечники копий и стрел, разнообразные колющие и режущие каменные инструменты. Большинство предметов были индейского происхождения, но у нее еще была коллекция старинных японских рыболовных поплавков, оторвавшихся когда-то от сетей на той стороне Тихого океана и выброшенных на побережье острова. Поплавки были размером с большие пляжные мячи – мутные полупрозрачные сферы из цветного стекла. Прекрасные, как беглые миры.

– Я – писатель, – сказала Рут. – Ничего не могу поделать. Мои предпочтения насчет нарратива – это все, что у меня есть.

– Тут я, конечно, поспорить не могу, – ответила Мюриел, – но факты есть факты, а устанавливать происхождение объекта – это важно.

Она подхватила кота и опустила его на пол, потом кончиками пальцев коснулась замочков коробки.

– Можно? – спросила она.

– Угощайся.

По телефону Мюриел попросила разрешения осмотреть находку, так что Рут постаралась вновь запаковать предметы так, как они их нашли. Теперь у нее было ощущение, что в воздухе носится некая напряженность, но трудно было понять, откуда оно взялось. Формальность, с которой Мюриел высказала свою просьбу. Серьезная манера, с которой она откинула крышку. То, как она сделала паузу, почти церемониально, прежде чем достать из коробки часы и поднести их к уху.

– Они сломаны, – сказала Рут.

Мюриел взяла в руки дневник. Изучив корешок, потом обложку, она сказала:

– Вот где ты найдешь подсказки, – она раскрыла книгу на середине. – Ты уже начала читать?

Наблюдая, как Мюриел обращается с книгой, Рут ощутила нарастающее беспокойство.

– Ну... Да. Только пару страниц в самом начале. Не так уж и интересно. – Она взяла из коробки письма и протянула их Мюриел. – Это выглядит гораздо перспективнее. Они явно более старые и могут быть важнее с исторической точки зрения, как ты думаешь?

Мюриел отложила дневник и взяла письма из рук Рут.

– К сожалению, прочесть их я не могу, – добавила Рут.

– Почерк очень красивый, – сказала Мюриел, перелистывая страницы. – Ты показывала их Аяко?

Аяко была молодой японской женой устричного фермера, который жил на острове.

– Да, – ответила Рут, опуская дневник под стол, с глаз долой. – Но она сказала, что даже ей трудно разобрать почерк, и потом, ее английский тоже не слишком хорош. Но она расшифровала даты. Говорит, это было написано в 1944–1945 годах, и что мне надо попытаться найти кого-то постарше, кто жил во время войны.

– Удачи, – сказала Мюриел. – Язык действительно настолько изменился?

– Не язык. Люди. Аяко говорит, молодежь больше не может читать сложные иероглифы или писать от руки. Они выросли на компьютерах.

Под столом она ощупывала тупые уголки обложки. Один угол был обломан, и обтянутый тканью кусочек картона шатался, как выбитый зуб. Интересно, Нео тоже теребила пальцами этот уголок?

Мюриел качала головой.

– Ну да, – сказала она. – Везде то же самое. У детей в наше время ужасный почерк. Они в школе этому больше даже не учат.

Она положила письма на стол рядом с часами и пакетом, и обозрела весь набор еще раз. Если она и заметила, что дневника не хватает, говорить ничего не стала.

– Что ж, спасибо, что показала, – сказала она.

С усилием поднявшись на ноги, она смахнула с колен кошачью шерсть и прохромала в прихожую. Она набрала вес после замены бедренного сустава, и ей еще трудновато было вставать и садиться. На ней был потрепанный свитер индейской вязки и длинная юбка в крестьянском стиле из грубоватой ткани. Надев резиновые сапоги и потопав ими для надежности, она взглянула на Рут, которая вышла ее проводить.

– И все же это я должна была найти коробку, – проговорила она, натягивая дождевик поверх свитера. – Но, может, и к лучшему, что ты это нашла – по крайней мере, ты можешь читать по-японски. Удачи. Но не позволяй себе особенно отвлекаться...

Рут внутренне подобралась.

– ...Как там, кстати, твоя новая книга? – спросила Мюриел.

Вечерами, уже в кровати, Рут часто читала Оливеру вслух. Раньше, в конце хорошего рабочего дня, она прочитывала ему то, что только что написала; она обнаружила, что, засыпая с мыслями о сцене, над которой работала, на следующее утро она часто просыпалась с пони-

манием, куда двигаться дальше. Но с тех пор, как у нее случился хороший рабочий день или что-то новое, чем можно было бы поделиться, уже много воды утекло.

В тот вечер она прочла ему пару первых записей из дневника Нао. Когда она дошла до пассажа об извращениях, трусиках и кроватях под зебру, ей вдруг стало неудобно. Это не было смущением. Она никогда не стеснялась подобных вещей. Это чувство, скорее, относилось к девочке. Ей хотелось защитить Нао. Но почему она должна беспокоиться?

– Про монахиню интересно, – заметил Оливер, не прекращая возиться с часами.

– Да, – сказала она, почувствовав облегчение. – Демократия Тайсё была интересным временем для японских женщин.

– Ты думаешь, она все еще жива?

– Монахиня? Сомневаюсь. Ей же было сто четыре...

– Я имею в виду девочку.

– Я не знаю, – ответила Рут. – Это безумие, но я вроде как за нее беспокоюсь. Наверно, нужно просто продолжать читать, и мы все узнаем.

4

Ты уже чувствуешь свою особенность?

Вопрос девчонки повис в воздухе.

– Интересная мысль, – сказал Оливер. Он все еще копался в часах. – Ты чувствуешь?

– Чувствую что?

– Она говорит, что пишет это для тебя. Так ты чувствуешь себя особенной?

– Это просто смешно, – ответила Рут.

Что, если ты подумаешь, что я просто дура, и бросишь меня в мусор.

– Кстати, насчет мусора, – сказал Оливер. – Я тут последнее время думал о Больших мусорных пятнах...

– О больших чего?

– Большое Восточное и Большое Западное мусорные пятна. Ты наверняка о них слышала.

– Да, – сказала она. – Нет. То есть, вроде да.

На самом деле это было не важно, потому что ему явно хотелось рассказать. Она отложила дневник в сторону, на белое покрывало. Сняла очки, положила их поверх книги. Очки были ретро, в массивной черной оправе, и хорошо смотрелись на фоне вытертой красной обложки.

– В мировых океанах существуют, по крайней мере, восемь мусорных пятен, или континентов, – начал он. – В этой книге, которую я сейчас читаю, говорится, что два из них, Большое Восточное и Большое Западное пятна, находятся в Черепашьем течении; они сливаются у южной оконечности Гавайев. Большое Восточное пятно размером с Техас. Западное еще больше, в половину США.

– А из чего они состоят?

– Пластик, в основном. Вроде твоего пакета для заморозки. Бутылки из-под газировки, пенопласт, контейнеры для еды на вынос, одноразовые бритвы, промышленные отходы. Все, что мы выбрасываем и что не тонет.

– Ужас какой. Зачем ты мне все это рассказываешь?

Он встряхнул часы и поднес их к уху.

– Да, в общем-то, ни за чем. Просто пятна существуют, и все, что не тонет и не покидает орбиту течения, затягивается в центр мусорного пятна. Это произошло бы и с твоим пакетом, если бы его не выкинуло из течения. Он бы медленно дрейфовал по кругу, разлагаясь. Пластик размалывается на мелкие частицы, которые поедает рыба и зоопланктон. Дневник и письма

растворились бы, так никем и не читанные. Но вместо этого пакет выбросило на берег под ранчо Япов, где ты смогла его найти...

– Что ты такое говоришь?

– Ничего. Просто это потрясающе, вот и все.

– Вроде как шанс, подаренный свыше?

– Может быть. – У него на лице появилось ошеломленное выражение. – Смотри-ка! Работает!

Секундная стрелка совершала свой круг, обегая крупные светящиеся цифры. Она взяла у него часы и застегнула на запястье. Это были мужские часы, но размер подошел.

– Как ты этого добился?

– Не знаю, – ответил он. – Думаю, просто завел.

5

Она прислушалась к мягкому тиканью часов в темноте, к размеренному дыханию Оливера. Потянувшись к ночному столику, она нащупала дневник. Провела пальцами по мягкой ткани, нащупала отгиск потускневших букв на обложке. Они до сих пор хранили форму *À la recherche du temps perdu*, но обрели абсолютно иной смысл. Обрели внезапно, резко, когда страницы были вырваны из переплета чьими-то умелыми руками, заменившими Пруста на нечто совершенно новое.

Мысленно она могла в любой момент вызвать перед глазами неровные фиолетовые строки, складывавшиеся в солидные абзацы. Она не могла не заметить – с восхищением – свободу, с которой девочка выражала свои мысли. Никаких колебаний. Практически никаких сомнений в выборе слова, или фразы, или выражения. Всего пара вычеркнутых предложений и строк, и это тоже вызывало у Рут чувство, похожее на благоговение. Прошли годы с тех пор, как она садилась за новую страницу с подобной уверенностью.

Я тянусь к тебе сквозь время.

Дневник вновь источал тепло у нее в ладонях, и она знала, что это явление имеет мало общего с таинственной природой книги, и много – с переменами в ее собственном теле. Мало-помалу она привыкала к внезапным перепадам температуры. Руль в машине, который вдруг становился горячим и липким у нее в руках. Обжигавшая ухо подушка, которую она, проснувшись, находила на полу вместе с одеялом – во сне она сбрасывала их с кровати, будто в наказание за удушающий жар.

От часов на запястье, наоборот, исходила прохлада.

Я тянусь к тебе сквозь время... ты тоже тянешься ко мне.

Она поднесла дневник к носу и вдохнула, различая отдельные запахи: щекочущий ноздри затхлый аромат старой книги, резковатые нотки бумаги и клея, и еще что-то, что, как она поняла, могло быть только Нао: горечь, как от кофейных зерен, и сладкий фруктовый оттенок – должно быть, шампунь. Сделав еще один вдох, на этот раз – глубокий, она отложила книгу – нет, совсем не милый дневник невинной школьницы – обратно на столик у кровати, все еще размышляя о том, как именно нужно читать этот невозможный текст. Нао твердо заявила, что пишет только для нее, и Рут решила пока придерживаться этой линии. Это самое меньшее, что она могла сделать как читатель этих записок.

Ровное тиканье старых часов, казалось, становилось все громче. Как вообще можно искать утраченное время? Раздумывая над этим вопросом, она вдруг осознала, что подсказкой может стать темп. Нао писала дневник в реальном времени, проживая свою жизнь день за днем, момент за моментом. Быть может, если бы Рут замедлила темп, стараясь читать не быстрее, чем Нао писала, ей удалось бы полнее пережить опыт Нао. Конечно, даты в дневнике отсутствовали, и нельзя было точно сказать, насколько быстро или медленно появлялись записи,

но были подсказки: менялись оттенки чернил, менялись наклон и плотность почерка; все это могло указывать на перемены настроения – или на разрывы во времени. Если она изучит дневник с этой точки зрения, то сможет разбить текст на гипотетические интервалы, даже пронумеровать их и соответственно подобрать темп. Если она почувствует, что записи идут потоком, то позволит себе читать дальше и будет делать это быстрее, но если станет понятно, что Нао писала медленно, ей тоже нужно будет замедлить темп или вообще остановиться. Так у нее не возникнет ложного впечатления о скорости развития событий в жизни Нао; кроме того, она не будет тратить слишком много времени. Она сможет сбалансировать чтение дневника и всю ту работу, которую ей еще предстоит проделать над собственными воспоминаниями.

План казался вполне разумным. Успокоившись, Рут взяла книгу с ночного столика и сунула под подушку. «Девчонка права, – подумалось ей. – Это абсолютно личное и настоящее».

6

В ту ночь ей снилась монахиня.

Сновидение обрело форму на склоне горы где-то в Японии; тишину нарушали только пронзительное стрекотание насекомых и свежий ночной ветерок, неустанно теребивший ветки кипарисов. Среди деревьев в лунном свете мягко поблескивали черепицей изящные изгибы храмовой крыши, но даже в полумраке было заметно, что здание едва держится и рискует вскоре обратиться в руины. Единственным освещенным местом внутри храма была комната, выходящая в сад; старая монахиня сидела, подогнув колени, за низким столиком, склонившись к сияющему квадрату монитора, который отбрасывал серебристый свет на ее древние черты. Фигура, склонившаяся к компьютеру, была размыта темнотой, но Рут могла различить, что спина ее была согнута, будто вопросительный знак, а черная когда-то ряса казалась старой и поношенной. С шеи у нее свисал квадратный, сшитый из отдельных лоскутов кусок ткани, будто слюнявчик у младенца. Луна заглядывала в комнату из сада через раздвижные двери веранды. Бритая голова куполом отсвечивала в лунном свете, и, когда монахиня повернула голову, Рут уловила отблеск монитора на очках в квадратной массивной оправе, похожих на те, что носила она сама. Лицо монахини выглядело странно юным в неверном свете экрана. Она печатала что-то осторожно указательными пальцами, искривленными артритом.

«Иногда вверх...» – набирала она. Запястья у нее были согнуты, как сломанные ветви, а пальцы, тщательно выискивающие каждую букву, были похожи на крюки.

«Иногда вниз...»

Это был ответ на вопрос Нао о лифте. Она нажала ENTER и вновь опустилась на пятки, закрыв глаза и будто погрузившись в дремоту. Спустя несколько минут сбоку экрана выскочила иконка и прозвенел электронный колокольчик. Она выпрямилась, поправила очки и наклонилась к монитору. Потом начала печатать ответ.

Вверх вниз, одно и то же. Но и разное.

Она ввела текст и опять в ожидании уселась на пятки. Когда прозвенел колокольчик, она прочла входящее сообщение и кивнула. Потом подумала с минуту, потирая гладкую макушку, и начала печатать опять.

Когда верх глядит вверх, верх – это низ.

Когда низ глядит вниз, низ – это верх.

Не-одно, не-два. Не одно и то же. Не разное.

Теперь понимаешь?

На то, чтобы напечатать все это, у нее ушло немало времени, и, когда, наконец, она нажала ENTER, чтобы отправить сообщение, вид у нее был усталый. Она сняла очки, положила их на край низкого столика и протерла глаза своими скрюченными пальцами. Вновь надев очки, медленно разогнула спину и не торопясь встала. Убедившись, что ноги прочно стоят

на полу, она двинулась, шаркая, через комнату к раздвижным бумажным дверям на веранду. Белые носки ярким пятном выделялись на фоне пола; темное дерево поблескивало в лунном свете, отполированное бесчисленными ногами в бесчисленных носках. Она остановилась на краю веранды и посмотрела в сад, где старые камни отбрасывали длинные тени и где шелестел бамбук. Сделав глубокий вдох, затем еще один, она развела руки в стороны, словно ворона, расправляющая крылья перед полетом. Постояла так секунду, совершенно неподвижно, потом свела руки перед собой и начала размахивать ими вперед-назад. Рукава ее надувались и хлопали от ветра, и когда казалось уже, что она вот-вот оторвется от земли, она будто переменяла решение, завела руки за спину и сцепила пальцы, впечатывая их в спину, стараясь выпнуть позвоночник. Задрав подбородок, она изучала луну.

Вверх, вниз.

Гладкая кожа бритой головы вновь отразила свет, и издалека, оттуда, где стояла Рут, казалось, будто две луны ведут беседу.

Нао

1

Время решает все. Где-то я прочла, что мужчины, родившиеся между апрелем и июнем, совершают самоубийство чаще, чем мужчины, рожденные в другое время года. Мой папа родился в мае, может, это все и объясняет. Не то чтобы он преуспел. Пока нет. Но он продолжает пытаться. Это только вопрос времени.

Я знаю, я обещала написать о старушке Дзико, но мы с папой поссорились, так что голова у меня вроде как не тем занята. Ну, это не была прямо настоящая ссора, но мы друг с другом не разговариваем. На деле это означает, что это я с ним не разговариваю. Он, наверно, даже ничего не заметил, в последнее время он редко замечает чувства окружающих, и я не хочу его расстраивать замечаниями типа: «Эй, пап, на случай если ты не заметил, мы тут поссорились, о'кей?». У него и так есть о чем подумать, и я не хочу добавлять еще один депрессивный фактор.

Уж точно мы не ссоримся из-за того, что на самом деле я не хожу в школу. Проблема в том, что вступительные экзамены в старшую школу я завалила, так что в хорошее место мне теперь не попасть и единственный вариант – идти в ремесленное училище, куда попадают тупые дети, что явно *не* вариант. Мне, в общем, плевать, получу я образование или нет. Я бы лучше стала монахиней и ушла жить в горы к старушке Дзико, но папа и мама говорят, что сначала я должна закончить старшую школу.

Так что прямо сейчас я – ронин, а это такое старинное слово для воина-самурая, у которого нет господина. В феодальные времена у каждого самурая должен был быть лорд или господин. Смысл самурая в том, что он служит господину, и если твоего господина убивали, или он совершал сеппуку³¹, или терял свои замки во время войны или как-то еще, то все. *Бах!* Смысла в твоей жизни больше не было, ты становился ронином и шатался, где придется, ввязывался в драки на мечах и вообще нарывался на неприятности. Ронины были довольно стремными личностями, вроде тех бездомных, которые живут под брезентом в парке Уэно, плюс если бы кто раздал им острую мечи.

И слепой заметит, что я не воин-самурай, но в наше время ронином называют всего лишь несчастного тупицу, который провалил вступительные экзамены и теперь должен брать дополнительные уроки на курсах и зубрить дома, пока не накачается уверенностью и энтузиазмом для новой попытки. Обычно ронин – выпускник старшей школы, и вот он живет с родителями, пока длится его попытка поступить в университет. Стать, как я, ронином после средней школы довольно необычно, но лет мне больше, чем моим одноклассникам, и вообще-то теперь, когда мне стукнуло шестнадцать, в школу я могу совсем не ходить. Это если по закону.

Слово «ронин» пишется вот так: 浪人 – один иероглиф обозначает волну, другой – человека, что, в общем и целом, соответствует тому, как я себя ощущаю. Как маленькая человеческая волна, которую носит по бушующему морю жизни.

2

Вообще-то в том, что я провалила экзамен, моей вины нет. Со своим образованием я не могла попасть в хорошую японскую школу, сколько бы ни занималась. Папа хочет, чтобы я

³¹ Сеппуку (切腹) – ритуальное самоубийство, совершаемое посредством вспарывания живота; буквально: «живот» + «резать». Те же кандзи используются в слове *харакири* (腹切り).

пошла в международную старшую школу. Хочет, чтобы я поехала в Канаду. У него пунктик насчет Канады. Говорит, это как Америка, только с медицинской страховкой и без пушек, и ничто не мешает тебе реализовать здесь свой потенциал, и не нужно беспокоиться о том, что думает общество, или что ты заболеешь, или что тебя застрелят. Я сказала ему не заморачиваться, потому что мне и так до крысиной задницы, что подумает общество, и у меня не наберется столько потенциала, чтобы время на него тратить. Но, конечно, насчет здоровья и пушек он прав. Здоровье у меня в порядке, и идея смерти мне не претит, но как-то не хочется, чтобы меня завалил какой-нибудь фрик-старшеклассник в плаще, торчащий на «золофте» и только что сменявший свой Xbox на полуавтоматический пистолет.

Мой папа был когда-то влюблен в Америку. Я не шучу. Это было, будто Америка была его любовницей, и любил он ее так, что мама ревновала, честно. Мы раньше жили там, в городке под названием Саннивэйл. Это в Калифорнии. Папа был тогда таким крутым программистом, за такими хедхантеры охотились, и вот, когда мне было три, его нашли и предложили шикарную работу в Силиконовой долине, и мы все туда переехали. Мама была не в восторге, но в то время она делала все, что говорил папа, а я – я не помню ничего о той Японии, когда я была маленькой. Насколько я могу судить, моя жизнь началась и закончилась в Саннивэйле, что делает меня американкой. Мама говорит, сначала я вообще не понимала по-английски, но они отдали меня в ясли под началом симпатичной дамы по имени миссис Дельгадо, и я прижилась как рыба в воде. Так уж устроены дети. Моей маме пришлось труднее. Она так и не освоилась с английским, и друзей у нее было немного, но она с этим мирилась, потому что папа зарабатывал кучу денег и она могла покупать себе по-настоящему классные шмотки.

Так что все было зашибись, и мы плыли по воле волн, но вот происходило все это в стране чудес, которую позднее называли «доткомовский пузырь», и когда этот пузырь лопнул, папина фирма обанкротилась, его уволили и наши визы больше не действовали, так что нам пришлось вернуться в Японию, что было полным отстоем, потому что папа не просто потерял работу, он еще и вложил хороший процент от своей шикарной зарплаты в акции компании, так что вдруг оказалось, что сбережений у нас тоже нет, а Токио – город недешевый. Это был полный и окончательный капец. Папа дулся, как отвергнутый любовник, мама была вся такая напряженная, мрачная и «я же говорила», но, по крайней мере, языком они владели свободно и могли считаться японцами. Я, напротив, была в полной попе, потому что думала о себе как об американке и, хотя дома мы всегда говорили по-японски, мой разговорный язык сводился к простейшим бытовым выражениям типа: «где мои карманные деньги», «передай джем» или «о, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, не заставляйте меня уезжать из Саннивэйла».

В Японии существуют специальные наверстывающие школы для детей-кикокусидзё³² вроде меня, которые сильно отстали от японских сверстников после нескольких лет пребывания в тупых американских школах, пока их папы работали на свои компании за границей. Вот только папа не работал ни в какой компании, и его не переводили обратно в японский офис. Его уволили. И нельзя сказать, чтобы я отстала от уровня сверстников – я ходила только в американские школы и была позади с самого начала. И мои родители не могли себе позволить дорогущую школу для кикокусидзё, так что в конце концов они просто сдали меня в государственную среднюю школу и мне пришлось повторять полгода в восьмом классе, потому что я перевелась в сентябре, а это середина учебного года в Японии.

Ты, наверно, давно уже не в средней школе, но если сможешь припомнить несчастного лузера, который перевелся к вам в середине восьмого класса из-за границы, может, в тебе проснется капелька сочувствия. Я вообще не имела понятия, как надо вести себя в японском классе, разговорный язык у меня был на уровне плинтуса, и к тому времени мне было почти пятнадцать – я была старше, чем мои одноклассники, и крупнее тоже, ото всей этой американ-

³² Кикокусидзё (帰国子女) – дети-репатрианты.

ской жратвы. Еще мы только что разорились, так что у меня не было карманных денег или всяких модных штучек, и, в общем, это была пытка. В прямом смысле. В Японии это называют «идзимэ»³³, но это слово не передает всего, что делали со мной эти ребята. Я бы, наверно, была уже мертва, если бы старушка Дзико не научила меня, как развить себе суперпауэр. Идзимэ – это причина, по которой вариант со школой для тупых никак не катит, – мой опыт показывает, что тупые дети могут быть гораздо опаснее умных, потому что им нечего терять. Школа – это просто небезопасно.

Но Канада – это безопасно. Папа говорит, в этом разница между Канадой и Америкой. Америка быстрая, и сексуальная, и опасная, и щекочет нервы, и там легко обжечься, но Канада – это безопасно, а папа мой правда хочет, чтобы я была в безопасности, и в этом он похож на типичного папу, каким бы он был, если б у него была работа и он не пытался все время покончить с собой. Иногда мне становится интересно: может, он хочет моей безопасности, чтобы не чувствовать себя таким виноватым, когда наконец добьется своего.

3

Первая попытка была примерно год назад. Мы тогда шесть месяцев как уехали из Сан-нивэйла и жили в крохотной двухкомнатной квартирке на западе Токио – единственное, что мы могли себе позволить, потому что цены на аренду были совершенно безумными, и это-то место мы смогли снимать только потому, что хозяин вроде был другом папы по университету и не давил на нас насчет «ключевых».^[8]

Квартира, честно, была совершенно отвратительная, и все наши соседки были хостесс из баров, которые никогда не сортировали мусор и питались готовыми бэнто³⁴ из «7-илевен», а домой приходили пьяными часов в пять-шесть утра в сопровождении своих дружков. Завтрак у нас проходил под звуки их занятий сексом. Сначала мы думали, что это кошки на заднем дворе, но в основном это были хостесс. Точно никогда сказать было нельзя, потому что звуки они издавали совершенно одинаковые. Жуть.

Не знаю, можно ли передать это в письменном виде, но звучало оно вроде: «о... о... ооох», или: «оу... оу... оууууу...», или: «нет... нет... неееееет...», будто юную девушку пытает садист, человек методичный, и он чуток заскучал, но остановиться пока не готов.

Мама вечно притворялась, что этого не слышит, но по тому, как белела натянутая кожа у губ и как она начинала есть тост малюсенькими кусочками, отщипывая все меньше и меньше, пока, наконец, не откладывала полусъеденный ломтик, уставившись на него, было понятно, она слышит все. Конечно, она слышала! Нужно было глухим быть, чтобы не слышать этих глупых девиц, как они кричат, и стонут, и взвизгивают, будто котята в кипятке, а их голые задницы шлепают по нашим стенам и долбят в наш потолок. Иногда комочки пыли и дохлые насекомые падали с люминесцентной лампы прямо мне в молоко, я, типа, тоже должна была молчать? Папа, в общем и целом, тоже все это игнорировал, и только когда раздавался особо мощный БУМ! он чуть опускал газету, глядел на меня и вроде как закатывал глаза, а потом быстро отгораживался газетой опять, пока мама не засекала и не устроила ему втык за то, что, не в силах сдержаться, я фыркаю и молоко течет у меня из носа.

В то время папа уходил каждый день, чтобы искать работу, так что утром мы выходили из квартиры вместе. Обычно мы старались выйти пораньше, чтобы пойти длинным путем. Не то чтобы мы договаривались или планировали заранее. Просто, покончив с завтраком, мы бросали тарелки в раковину, чистили зубы и направлялись напрямик к двери. Думаю, нам просто хотелось поскорее исчезнуть из поля зрения мамы, которая в те дни гнала довольно токсичную

³³ Идзимэ (いじめ) – издевательство, травля в школе.

³⁴ Бэнто (弁当) – упакованный в коробку завтрак (обед, ужин).

волну. Не то что мы с папой когда-нибудь обсуждали этот феномен. Не обсуждали, но и рядом находиться нам не хотелось.

И всегда был этот момент: когда мы покидали безопасность квартиры и делали шаг на улицу, мы вроде как косились друг на друга, а потом отводили глаза. Я думаю – я уверена, что ощущали мы одно и то же: вину за то, что оставляли маму одну, и беспомощность перед миром, к которому совершенно не были готовы – который был для нас абсолютно нереальным. Мы оба выглядели смешно и знали это. Раньше, в Саннивэйле, папа был крут. На работу он ездил на байке, в джинсах и кроссовках Adidas, через плечо – стильная сумка-мессенджер. А теперь он одевался в уродский синий полиэстровый костюм и ботинки без шнурков, а в руках у него был дешевый кейс, и выглядел он старым и консервативным. А я должна была носить эту тупую школьную форму, которая была мне безнадежно мала, и как бы я ни старалась, я не могла найти способ выглядеть в этом симпатично. Другие девочки в моем восьмом классе все были очаровательные крошки и умудрялись выглядеть одновременно секси и супермило в этой форме, тогда как я выглядела (и сама ощущала себя) как огромная перезрелая вонючая дубина. От тех моментов, когда мы выходили из квартиры, у меня в памяти осталось это обреченное чувство нереальности, будто мы были плохие актеры в ужасных костюмах, и пьеса обречена на провал, но на сцену нужно идти все равно.

Длинный путь вел через все эти старые кварталы по соседству, по торговым улочкам и, наконец, мимо маленького древнего храма, затесавшегося между бетонными офисными блоками. Храм был особым местом. Там пахло мхом и благовониями, и были звуки – насекомые, птицы, даже лягушек иногда слышно, и почти можно было почувствовать, как все вокруг растет. Прямо посреди Токио, стоит только сделать шаг внутрь ограды, ты будто проникаешь в древнее пространство, заполненное влажным воздухом, которое каким-то образом сохранилось, как пузырек во льду, со всеми запахами и звуками, пойманными внутри. Я читала, как ученые в Арктике, или там в Антарктике, или где-то еще, где очень, очень холодно, бурят скважины в леднике и достают из самой глубины вмерзшие в лед образцы древней атмосферы, такой, какой она была сотни тысяч или даже миллионы лет назад. И хотя это круто, без вопросов, мне все равно становится грустно при мысли об этих кусках льда, которые тают и выпускают пузырьки древнего воздуха, будто маленькие вздохи, в отравленную атмосферу двадцать первого века. Глупо, я знаю, но именно такое у меня было ощущение от этого храма, как от замерзшего образца другого времени, и мне это очень нравилось, и я сказала об этом папе, а было это задолго до того, как я узнала Дзико, или провела лето у нее в горах, или что еще. Я даже не знала, что она существует.

– Так ты не помнишь, как мы навещали ее, когда ты была совсем маленькой?

– Нет.

– Мы заезжали к ней в храм, прежде чем уехать в Америку.

– Я не помню ничего до того, как мы уехали в Америку.

Мы шли дорожкой, ведущей вверх под деревянные ворота. Кошка спала на солнце у каменного фонаря. Пара вытертых каменных ступеней вела к затененному алтарю, где сидел Шака-сама, Господин Будда. Мы стояли бок о бок и глядели на него. Выглядел он мирно; глаза его были прикрыты, будто он собрался вздремнуть.

– Твоя прабабушка – монахиня. Ты это знала?

– Пап, я ж тебе говорила. Я даже не знала, что у меня есть прабабушка.

Я дважды хлопнула в ладоши, поклонилась и загадала желание, как учил папа. Я всегда желала одно и то же: чтобы он нашел работу, чтобы мы вернулись в Саннивэйл, а если уж ни то, ни другое не возможно, пусть хоть одноклассники перестанут меня пытаться. Прабабушки-монахини меня тогда не интересовали. Я просто пыталась выжить, каждый день.

После храма папа провожал меня до школы и мы говорили о разных вещах. О чем именно, не помню, да это и не было важно. А важно было то, что мы были вежливы и не гово-

рили обо всем том, что делало нас несчастными, – это был единственный известный нам способ любить друг друга.

Когда до ворот школы оставалось совсем немного, он чуть замедлял шаг, и я чуть замедляла шаг; он торопливо оглядывался вокруг и, убедившись, что никто не смотрит, быстро обнимал меня и целовал в макушку. Самая обычная в мире вещь, но ощущение было, будто мы делаем что-то незаконное, будто мы были любовники или что, потому что в Японии папы, как правило, не обнимают и не целуют своих детей. Не спрашивай, почему. Просто они этого не делают. Но мы обнимались, потому что мы были американцы, по крайней мере, в глубине души, а потом быстро отпрыгивали друг от друга на случай, если кто-то смотрел.

– Ты хорошо выглядишь, Нао, – говорил папа, усиленно пялясь куда-то поверх моей головы.

А я отвечала, разглядывая башмаки:

– Ага, ты тоже здорово смотришься, пап.

Мы отчаянно врали, но это было ничего, и остаток пути мы шли молча, потому что, если бы мы открыли рот после подобного вранья, полезла бы правда, так что мы молчали как рыбы. Пускай мы и не могли говорить друг с другом прямо, мне нравилось, что папа провожает меня до школы каждое утро, – это значило, что ко мне не начнут цепляться, пока он не помашет мне на прощание и не исчезнет за углом.

Но они ждали меня, я спиной чувствовала их взгляды, стоя у ворот, ощущая, как становятся дыбом волоски на руках и на шее, как учащается дыхание, а подмышки заливают пот. Мне хотелось вцепиться в папу и умолять его не уходить, но я знала, что этого делать нельзя.

4

В ту самую минуту, как он поворачивался спиной, они начинали движение. Тебе когда-нибудь доводилось смотреть эти передачи, где стая диких гиен движется, окружая антилопу гну или детеныша газели? Они собираются со всех сторон, чтобы отрезать самое убогое животное от стаи, и окружают его, все ближе и ближе, плотным кольцом, и, если бы папа случайно обернулся, чтобы помахать, он решил бы, будто у меня куча друзей, все весело окружают меня, выпевая приветствия на ужасном английском: «Гуддо монингу, дорогая переводная ученица Ясутани! Хелло! Хелло!» И папа бы успокоился, видя, что я популярна, и как все стараются сделать мне приятное. И вот одна гиена – не всегда самая большая, может, маленькая, но быстрая и злобная – бросается вперед, чтобы пролить первую кровь; это служит сигналом к нападению для остальной стаи, так что к тому времени, как мы добираемся до дверей, я вся покрыта свежими порезами и синяками от щипков, и форма у меня в беспорядке и вся в дырочках от острых кончиков маникюрных ножниц, которые девочки держат в пеналах, чтобы обрезать поседевшие кончики волос. Гиены не убивают свою добычу. Они ее калечат, а потом едят живьем.

В общем и целом, так продолжалось весь день. Они проходили мимо моей парты и притворялись, будто их тошнит, или нюхали воздух и говорили: «Ийада! Гайдзин кусай!»³⁵, или: «Бимбо кусай!»³⁶. Иногда они практиковались со мной в английских идиомах, повторяя то, что слышали из американского рэпа: «Йо, торстожопая, покажи-ка мне, ты же шрюха, имеюте тебя даже в ухо, порижи-ка мне яйца, тебе это нуравится, оу йе» и т. д. Ну, ты представляешь. Моей стратегией было просто их игнорировать, или не двигаться, как мертвая, или притворяться, что они не существуют. Я думала, может, если я притворюсь достаточно сильно, это может стать правдой, и я либо умру, либо исчезну. Или, может, это станет правдой настолько,

³⁵ *Ийада! Гайдзин кусай!* – Гадость! Она воняет, как иностранка!

³⁶ *Бимбо кусай!* – Она воняет, как нищая!

что мои одноклассники поверят в это и прекратят меня пытаться, но они не прекращали. Они гнали меня до самого дома, и я взбегала по ступенькам и запирала за собой дверь, часто дыша и вытирая кровь от множества мелких порезов под мышками или между ног – они кололи там, где следы были бы незаметны.

Мама в это время практически никогда не было дома. Она как раз переживала медузный период, проводила весь день перед резервуаром с беспозвоночными в городском аквариуме, где сидела, стиснув пальцами старую сумочку от Гуччи, наблюдая сквозь стекло за кураге³⁷. Я знаю, потому что она как-то взяла меня с собой. Это было единственное, что давало ей возможность расслабиться. Она прочла где-то, что наблюдение за кураге благотворно влияет на здоровье, поскольку снижает уровень стресса, но была одна проблема – другие домохозяйки тоже читали эту статью, и перед аквариумом всегда была толпа, и служащим приходилось раздавать раскладные стульчики, и, чтобы занять хорошее место, попасть туда надо было очень рано, и всё вместе это был один большой стресс. Я теперь думаю, у нее тогда точно был нервный срыв, но я помню, какой бледной и красивой она была, деликатный профиль выделяется на синем фоне аквариума, налитые кровью глаза следят за движениями розовых и желтых медуз, как они парят в воде, подобно бледным пульсирующим лунам, а за ними тянутся их длинные щупальца.

5

Такой была наша жизнь сразу после Саннивэйла, и казалось, она длится вечность, хотя вообще-то это была всего пара месяцев. А потом как-то вечером папа пришел домой и объявил, что устроился в новый старт-ап, который разрабатывает линию программного обеспечения на основе эмпатической продуктивности, и что он будет у них главным программистом, и что хотя зарплату не сравнить с тем, что он получал в Силиконовой долине, по крайней мере, это была работа. Это было чудо!

Помню, мама была так счастлива, что начала плакать, а папа был весь такой скромный и ворчливый и повел нас всех есть жареного угря с рисом – это мое самое любимое блюдо в мире.

После этого папа продолжал уходить со мной вместе утром и возвращался поздно вечером, и хотя в школе надо мной все так же издевались, и у нас как будто все так же не было денег, это было о'кей – мы все чувствовали, что у семьи снова есть будущее. Мама прекратила ходить в аквариум и начала приводить в порядок квартиру. Она вычистила татами и расставила книги на полках, и даже начала кампанию против хостесс – подстерегала их в коридоре, когда они направлялись в бар, и устраивала разборки насчет сортировки мусора и шума.

– У меня дочь – подросток! – кричала она, что очень меня смущало – ну, типа, привет, мне уже шестнадцать и я знаю, что такое секс, но при этом я гордилась, что меня сочли дочерью, достойной защиты.

В тот год я впервые (сколько себя помню) встречала Рождество и Новый год в Японии, и папа с мамой старались убедить себя, что все в порядке и весь этот кошмар в нашей жизни был просто приключением, и я возбуждаться не стала, потому что была ребенком, и что я вообще знала? Мы вручили друг другу рождественские подарки, и мама сделала осечи³⁸, и мы сидели кружком перед телевизором и ели сахарных креветок, маленьких вяленых рыбок, соленые молоки, маринованные корни лотоса и сладкие бобы, а папа пил сакэ, а во время рекламных пауз он рассказывал нам истории о линии программного обеспечения, над которой он работает, и как компьютеры смогут научиться эмпатии и будут предугадывать наши нужды и чувства

³⁷ Кураге (水母) – медуза; буквально «вода» + «мать».

³⁸ Осечи рёри (おせち料理) – особый холодный новогодний ужин; готовится заранее и подается в многослойных коробках.

даже лучше, чем другие люди, и что скоро люди перестанут нуждаться друг в друге так, как раньше. Учитывая, что творилось в школе, мне показалось, что это звучит многообещающе.

Не могу даже себе представить, о чем там думал папа. Поверить не могу, что он воображал, будто все сойдет ему с рук. Может, он так и не думал. Может, он вообще не думал, может, он к тому времени уже достаточно двинулся, чтобы и вправду верить в свои истории. Или, может, он просто устал чувствовать себя лузером и придумал себе работу, просто чтобы передохнуть, ну и чтобы сделать нас счастливыми, хоть ненадолго. И ведь сработало. Ненадолго. Но скоро они с мамой начали ссориться по ночам, сначала шепотом, потом – все громче и громче.

Всегда из-за денег. Мама хотела, чтобы он каждую неделю отдавал ей зарплату, и она могла бы ей распоряжаться. Так это делается в Японии. Муж отдает жене все деньги, а она выделяет ему карманные, и он может тратить их на пиво, или на пачинко, или на что он там захочет, но остальное она прибирает к рукам – так надежнее. Когда они уехали в Америку, папа настоял, чтобы все было по-американски, где Мужчина, Хозяин Дома, принимает все Крупные Финансовые Решения, но после этой истории с акциями компании стало ясно, что мужественный американский путь ведет к катастрофе. Мама не собиралась допускать повторения событий и настаивала, чтобы он отдавал ей деньги, а он говорил, что положил их в банк, сделал высокодоходный бла-бла-бла вклад. Время от времени он вручал ей пачку банкнот по десять тысяч йен, но это было все. И так могло продолжаться еще какое-то время, но папа стал неосторожен, и за пару дней до моего шестнадцатилетия мама нашла у него в кармане корешки талонов из тотализатора и потребовала объяснений, и, вместо того, чтобы сознаться во вранье, он убежал на улицу, сел в парке, нажрался сакэ из торгового автомата, а потом отправился на станцию, купил билет на платформу и прыгнул под скоростной экспресс до Чуо, следующий в 12:37 в направлении Синдзюку. К счастью для него, поезд уже начал тормозить при подходе к станции, а машинист увидел, как он шатается на краю платформы, и успел вовремя ударить по аварийным тормозам. Едва успел. Поезд даже переехал этот его глупый кейс. Прибыла транспортная полиция, сдернула папу с рельс и арестовала за нарушение порядка и препятствование проходу общественного транспорта по расписанию, но поскольку было неясно, прыгнул ли он сам или упал на пути из-за того, что напился, его не стали сажать в тюрьму, а отдали маме на поруки.

Мама приехала забрать его из участка, привезла домой на такси и засунула в ванну, а когда он вышел, весь мокрый и чуть протрезвевший, то сказал, что готов во всем признаться. Мама велела мне уйти в спальню, но папа сказал, что я уже достаточно взрослая и имею право знать, что за человек мой отец. Он сел напротив нас за кухонный стол, сжав побелевшие пальцы, и сознался, что он все придумал. Вместо того, чтобы ходить на работу и быть старшим программистом, он проводил дни в парке Уэно, изучая листки из тотализатора и подкармливая ворон. Он продал периферию от своего старого компьютера, чтобы раздобыть наличных для ставок на скачках. Время от времени он выигрывал, и тогда он зажимал немного денег, чтобы поставить опять, а остаток приносил домой маме, но последнее время он чаще проигрывал, чем выигрывал, и, наконец, наличные у него закончились. Не было никакого высокодоходного бла-бла-бла вклада. Не было программного обеспечения на основе эмпатической продуктивности. Не было вообще никакого стартапа. Был только счет на пять миллионов йен от транспортной компании, который они заставляют тебя оплачивать как «ответственного за инцидент с участием человека» – это вежливый способ указать, что ты пытался покончить с собой с помощью одного из их поездов. Папа поклонился так низко, что лоб его почти коснулся кухонного стола, и сказал, что очень просит прощения за то, что у него нет денег купить мне подарок на день рождения. Почти уверена, что он плакал.

Инцидент со скоростным экспрессом до Чуо произошел, когда папа напился первый раз в жизни, так что почти можно было поверить, что это вышло случайно. В конце концов мама решила так и сделать, и папа ей не возражал, хотя по его глазам я видела, что это неправда.

6

Моя Дзико говорит, все, что с тобой происходит, – это из-за твоей кармы. Карма – это что-то типа такой неявной энергии, которую ты вырабатываешь, когда делаешь что-то, или говоришь, или даже думаешь, а это значит, что надо следить за собой и не думать слишком много извращенских мыслей, а то они вернутся и укусят. И это касается не только этой жизни, а всех твоих воплощений, в прошлом и будущем. Так что, может, это просто папина карма в этой жизни – сидеть и кормить ворон в парке Уэно до самого конца, и, в общем, не стоит винить его за инцидент с участием человека и желание поскорее двинуться дальше к следующему воплощению. Ну, короче, Дзико говорит, если ты все время стараешься быть хорошим и вообще пытаешься измениться, то в один прекрасный день все хорошее, что ты сделал, отменит все плохое, что ты тоже сделал, и ты просветлишься, и запрыгнешь в лифт, и больше уже не вернешься – если, конечно, ты не как старушка Дзико, то есть не принял обет не лезть в лифт, пока туда не зайдут все остальные. Это-то и есть самое крутое в моей прабабушке. На нее спокойно можно положиться. Ей, может, и сто четыре года, и то, что она говорит, часто выносит мозг, но вообще моя Дзико надежна, как танк.

Рут

1

– Интересно насчет ворон, – сказал Оливер раздумчиво.

Рут закрыла дневник и посмотрела на мужа. Он лежал на спине; голова – на подушке, взгляд сфокусирован на пальцах ног. Рут изучала чистые линии его точеного профиля, удивляясь про себя. После всего, что она прочла – про жизнь Нао, про отца девочки, про ее ситуацию в школе – его мысли вращались вокруг ворон! Было так много всего, гораздо более важного и неотложного, что ей хотелось бы обсудить, и она уже почти так и сказала, но едва заметное колебание в его голосе заставило ее остановиться. Он не пытался ей досадить, скорее, наоборот. Рут сделала глубокий вдох.

– Вороны, – повторила она. – Да. Так что там с ними?

– Ну, – в его голосе звучало облегчение, – это забавно, что она упоминает их, потому что я как раз решил почитать о японских воронах. Местная разновидность называется *Corvus japonensis*, это подвид *Corvus macrorhynchos*, большеклювой, или джунглевой, вороны. Они довольно сильно отличаются от американской вороны...

– Это же Канада, – прервала она, хотя мысли ее уже текли в ином направлении. – У нас должны бы быть свои, канадские вороны.

Она представила себе отца Нао, как он сидит на своей скамейке. Каждое утро он вставал, надевал свой дешевый синий костюм, завтракал, провожал в школу дочь. Может, по пути в парк он выуживал из урны утреннюю газету, почитать на скамейке.

– В общем, да, – сказал Оливер. – Я как раз собирался сказать, разновидность, характерная для наших мест, называется *Corvus caurinus*, северозападная ворона. Почти идентична американской, но помельче.

– Уж конечно, у нас помельче, – проговорила она. Существовала ли особая скамейка, та, что нравилась ему больше других? Он, наверное, садился на эту скамейку, и читал газету, и изучал программу скачек. А в полдень, должно быть, бросал воронам крошки от сэндвича или остатки рисового коlobка, а потом ложился на скамейку подремать, прикрыв лицо газетой. Действительно ли он думал, что все сойдет ему с рук?

В этот момент Оливер замолчал.

– Я вообще не знала, что у нас есть ворóны, – быстро сказала она, чтобы показать, что она все еще слушает. – Думала, здесь только вóроны водятся.

– Ну да, – ответил он, – у нас есть и ворóны, и вóроны. Тот же род. Разные птицы. В этом-то и странность.

Он сел в кровати и подождал, пока ее внимание не переключилось полностью на него, потом продолжил:

– Помнишь тот день, когда ты вернулась с берега с этим мешком? Я был в саду и услышал вóронов. Они вились вокруг ели, всполошились от чего-то – шум, гам, крылья хлопают. Я посмотрел вверх и увидел, что все они гоняют птицу поменьше. Она все пыталась к ним присоединиться, но они продолжали на нее налетать, и в конце концов, она оставила их и села на забор, рядом, где я работал. Похожа на ворону, только крупнее, чем *Corvus caurinus*, с высоким выпуклым лбом и массивным загнутым клювом.

– Так значит, это была не ворона?

– Нет, ворона. Думаю, это была джунглевая ворона. Она долго там сидела и разглядывала меня, и я тоже смог хорошенько ее рассмотреть. Могу поклясться, что это была *Corvus japonensis*. Вот только что она здесь делает?

Теперь он наклонился вперед, впившись в покрывало своими синими глазами, будто разгадка этой географической бессмыслицы притаилась где-то в складках простыней.

– Единственное, что приходит мне в голову, – она приплыла вместе с флотсемом. Вроде как часть дрейфа.

– Это разве возможно?

Он провел руками по одеялу, разглаживая складки.

– Все возможно. Люди добирались сюда в выдолбленных бревнах. Почему бы и воронам сюда не попасть? Они могут ездить на дрейфующем мусоре, плюс у них есть преимущество – они летают. Это не невозможно. Аномалия, и только.

2

Он был аномалией, шутком, отклонением от нормы. «Жарит рыбу в особой сковородке» – так о нем иногда отзывались на острове. Но Рут всегда завораживали причудливые меандры его мыслей; иногда у нее еле хватало терпения следовать за их течением, но после она никогда не жалела. А его наблюдения – вроде тех, что касались ворон, – всегда были неожиданными и интересными.

Они повстречались в начале 1990-х в колонии художников в канадских Скалистых горах, где он в качестве резидента читал по приглашению организаторов курс под названием «Конец национального государства». Ее пригласили в колонию делать постпродакшн для фильма, которым она в то время занималась, а он был пламенным поклонником японского кинематографа пятидесятых, и вскоре они стали друзьями. Он являлся к ней в монтажную с упаковкой пива; они пили, а он говорил о монтаже, коллаже и ассембляже, о границах и о времени, пока она кропотливо собирала свой фильм, кадр за кадром. Он был художник-энвайронменталист^[9], делал публичные инсталляции (ботанические интервенции в урбанистический ландшафт, как он их называл) где-то на периферии арт-истеблишмента. Ее притягивала буйная, но плодотворная анархия его сознания. Она слушала его речи в пульсирующей темноте монтажной и вскоре переехала к нему в комнату.

После того как резидентство Оливера закончилось, их пути разошлись в противоположных направлениях: она вернулась в Нью-Йорк, а он – на ферму где-то на островах Британской Колумбии, где он преподавал пермакультуру. Встретиться они хотя бы годом раньше, их роман, скорее всего, этим бы и закончился, но их застиг рассвет интернета, и у обоих был диалап-доступ к электронной почте; это дало возможность поддерживать дружбу в реальном времени. Телефонную линию он делил еще с тремя домами на острове, но он дожидался полуночи, когда никто больше телефоном не пользовался, чтобы отослать очередную депешу с заголовком вроде «Обращение От Отсталых Окраин». Летом, когда жирные мотыльки бились о москитную сетку, сея пыльцу с крыльев, он писал ей об острове, о лесных ягодниках, отмелях, где водятся самые сочные устрицы, и как биолюминисценция подсвечивает каждую волну, а планктон, мерцая, вторит движению звезд над океаном. Он переводил экосистему Тихоокеанского региона – дикую и необъятную – в поэзию и пиксели и отсылал ей на далекий Манхэттен, где она ждала, склоняясь к маленькому монитору, жадно впитывая каждое слово, и сердце билось у нее в самом горле, потому что к тому времени она была без памяти влюблена.

Той зимой они сделали попытку пожить вместе в Нью-Йорке, но к весне она вновь уступила неотразимому притяжению его разума, позволив его подспудным течениям увлечь себя через весь континент и принести к берегам его острова, зеленевшего в окружении фьордов и снежных вершин Десолейшн-Саунд. Неотразимому притяжению разума и канадской системы здравоохранения, потому что его вдруг поразила загадочная болезнь, похожая на грипп, а они были на мели и не могли позволить себе американскую страховку.

И, если совсем честно, ей нельзя было не признать свою роль в этом спонтанном дрейфе. Она хотела для него самого лучшего, чтобы он был здоров и счастлив, но, кроме этого, она искала убежища для себя и своей матери. Мать ее в то время страдала синдромом Альцгеймера. Диагноз поставили всего за несколько месяцев до смерти отца Рут, и та пообещала ему на смертном одре, что позаботится о матери, когда его не будет, но потом вышел ее первый роман, и она отправилась в авторский тур, и в результате дважды обогнула весь мир. Заботиться одновременно о слабоумной матери в Коннектикуте и хронически больном муже в Канаде было явно невозможно. Единственным выходом было собрать всю семью, которая у нее осталась, и всем переехать на остров.

План, казалось, был неплох, и когда пришел день переезда, Рут с легким сердцем променяла крошечную однокомнатную манхэттенскую квартирку на двадцать акров леса и два дома в Уэйлтауне. «Я всего лишь меняю один остров на другой, – говорила она нью-йоркским друзьям. – Велика ли разница?»

3

Разница, как она вскоре поняла, была велика. Уэйлтаун был собственно не городом, и даже не городком, а «населенным пунктом» – так, по определению, принятому в Британской Колумбии, называется «селение или местность, на территории которой проживает пятьдесят или менее человек». При всем том это было второе по величине обитаемое место на острове.

Уэйлтаун начинал когда-то как китобойная станция – отсюда название, но китов поблизости давно уже не было видно. Большая часть популяции была истреблена в 1869 году, когда шотландец по имени Джеймс Доусон и его американский партнер Абель Дуглас заложили станцию Уэйлтаун и начали убивать китов с помощью нового орудия необыкновенной эффективности – гарпунного ружья. Гарпунное ружье представляло собой тяжелую винтовку с прикладом, которая стреляла особыми гарпунами с зарядами замедленного действия. Заряд взрывался внутри кита несколько секунд спустя после того, как гарпун пробивал его кожу. В тот год к середине сентября Доусон и Дуглас переправили более 450 баррелей жира – 20 000 галлонов – к югу от США. Главным источником жира в те времена была ворвань, и единственным способом добыть ее было срезать с еще живого кита. Когда технология добычи бензина и керосина из доисторических трупов вышла на коммерческий уровень к концу того же столетия, отряд Cetacea получил призрачный шанс на выживание. Можно сказать, что ископаемое топливо появилось как раз вовремя, чтобы спасти китов, но время для китов Уэйлтауна уже закончилось. К июню 1870-го, через год после основания станции, последние киты в этом районе либо были вырезаны, либо спаслись бегством, а Доусон и Дуглас прикрыли лавочку и тоже двинулись дальше.

Киты – временные существа. В мае 2007 года в ворвани пятидесятитонного гренландского кита, убитого эскимосскими охотниками у побережья Аляски, был найден стреловидный наконечник в три с половиной дюйма от снаряда, выпущенного из гарпунного ружья. Датировав фрагмент, исследователи смогли определить возраст кита – между 115 и 130 годами. Создания, способные жить – и выживать – настолько долго, должны иметь долгую память. Воды вокруг Уэйлтауна были в свое время смертельно опасны для китов, и те, кому удалось спастись, научились их избегать. Можно представить, как звучат в толще воды их прекрасные голоса: свист, щелканье, щебет:

«Держитесь подальше отсюда! Держитесь подальше!»

Время от времени китов видели с парома, обслуживавшего остров. Капитан в таких случаях глушил двигатель и по системе внутреннего оповещения объявлял, что по правому борту в направлении два часа замечена стая касаток или горбатых китов, и все пассажиры бросались к правому борту и напряженно разглядывали волны, высматривая мелькнувший плавник, или

фонтан, или гладкую черную спину, вдруг раздвинувшую волны. Туристы поднимали повыше камеры и мобильные телефоны, надеясь поймать хороший кадр, и даже местные не оставались равнодушными. Но по большей части киты держались подальше от Уэйлтауна, оставив этим местам лишь свое имя.

Имя, размышляла Рут, может быть призраком либо предзнаменованием – смотря по какую сторону времени ты стоишь. Имя «Уэйлтаун» было, скорее, фантомом прошлого, тусклой тихоокеанской зыбью, но имя «Десолейшн-Саунд» все еще висело где-то на грани, звуча одновременно призраком прошлого и предвестием будущего.

Ее собственное имя, Рут, часто служило предзнаменованием, отбрасывая длинную тень вперед, на будущее. Происхождение имени было неясным: библейская версия – «Руфь» – как принято считать, происходит от слова, означающего на иврите «спутник», в то время как английское слово *ruth* образовано от старинного *grie*, что означает «раскаяние», «сожаление». Мама Рут не думала об английской этимологии, когда выбирала дочери имя, – Рут звали ее давнюю подругу. Но все равно Рут чувствовала временами, что имя ее подавляет, и не только в английском контексте. На японском имя звучало не менее проблематично. Японцы не могут произносить мягкое английское «р» или межзубное «т». На японском имя Рут звучало либо как «руцу», что значит «корни», либо «русу» – «не дома», «отсутствует».

4

Дом, купленный ими в Уэйлтауне, был выстроен на лужайке, расчищенной когда-то посреди густого леса. Коттедж поменьше стоял внизу, у начала подъездной дороги – здесь должна была жить ее мать. Со всех сторон росчисть окружал густой дождевой лес: дугласовы ели, красные кедры, большелистные клены, превращая в карликов и людей, и все их дела. Когда Рут увидела их впервые, она заплакала. Они вздымались вокруг, древние создания времени, смыкая кроны в ста футах, двухстах футах над головой. При росте пять футов и пять дюймов никогда в жизни она не ощущала себя настолько ничтожной.

– Мы – ничто, – прошептала она, вытирая глаза, – нас тут вообще как бы и нет.

– Да, – сказал Оливер. – Здорово, правда? И они могут жить до тысячи лет.

Она прислонилась к нему, задрав голову как можно выше, стараясь окинуть взглядом пронзающие небо верхушки деревьев.

– Они невозможно высокие, – сказала она.

– Не невозможно, – ответил Оливер, придерживая ее, чтобы она не упала. – Это вопрос перспективы. Если бы ты была этим деревом, я не доставал бы тебе даже до щиколотки.

Оливер был счастлив. Он был человеком деревьев и не видел смысла в аккуратных овощных грядках или бранных однолетниках вроде латука с его мелкими корешками. Когда они только переехали, он еще чувствовал себя неважно, легко уставал и страдал головокружениями, но, установив для себя режим ежедневной ходьбы, он вскоре уже бегал по проторенным им тропам, и Рут казалось, что это лес целил его, щедро делясь неисчерпаемой жизненной силой. Продираясь на бегу сквозь густой подлесок, он читал лесной нарратив, интригу, разыгрывающуюся между лесными родами, видел борьбу за власть и место под солнцем, как гигантские ели вступают в союз с микроскопическими грибными спорами ради взаимной выгоды. Он видел ход самого времени, видел, как разворачивается история, отпечатываясь в бесчисленных фракталах природы, а потом возвращался домой, задыхающийся, потный, и рассказывал ей о том, что видел.

Их дом был выстроен из местного кедра. Это было причудливое двухэтажное строение, возведенное хиппи в 1970-х годах, с далеко нависающей гонтовой крышей и просторным крыльцом над лужайкой, окруженной высокими деревьями. В описании агента по недвижимости значился вид на океан, но на деле углядеть воду можно было только из одного-единствен-

ного окна в кабинете Рут, откуда ей была видна узкая полоска океана в разрыве между двумя кронами, напоминавшем перевернутый тоннель. Агент указал им, что обещанный вид откроется, если спилить деревья, но они так этого и не сделали. Вместо этого они посадили еще.

Рут совершила жалкую попытку одомашнить ландшафт, посадив вокруг дома европейские вьющиеся розы. Оливер посадил бамбук. Ужившись, два вида вскоре образовали совершенно непролазные заросли, и вскоре найти вход в дом стало практически невозможно – если не знать заранее, где он находится. Над домом нависла угроза полного исчезновения, а к тому времени и лужайка тоже как-то съежилась: лес неумовимо наступал – хвойная волна в замедленном действии, – угрожая поглотить их целиком.

Оливер не особенно беспокоился. Он смотрел на вещи со своей перспективы. Предвидя последствия глобального потепления для местных видов, он работал над созданием леса для нового климата на сотне акров рощисты, принадлежавшей его другу-ботанику. Он высаживал рощицы древних видов, процветавших здесь когда-то в древности, – метасеквойи, гигантские секвойи, береговые виды того же семейства, род *Juglans* и род *Ulmus* и гинкго – растения, характерные для этих мест во время термального максимума эоцена, около 55 миллионов лет назад.

– Только представь! – говорил он. – Пальмы и аллигаторы вновь процветают на широте Аляски!

Это было его последней работой – ботаническая интервенция, которую он назвал «НеоЭоцен». Главным в проекте для него было сотрудничество со временем и пространством, а то, что исход интервенции не увидит ни он, ни кто-либо из его современников, его не беспокоило. Ему было все равно, что он так и не узнает, чем все кончилось. Терпение было частью его натуры, и он спокойно принимал выпавший ему жребий короткоживущего млекопитающего, шмыгающего туда-сюда между корнями гигантов.

Но для Рут терпение и смирение характерны не были, и ей хотелось, очень хотелось знать. Спустя всего несколько лет (пятнадцать, если точно – всего ничего по его счету, вечность – по ее) в окружении всего этого растительного буйства она ощущала растущую неуверенность в себе. Она скучала по рукотворной нью-йоркской среде. Только в городском пейзаже, среди архитектуры, на перекрестье прямых, она могла прочно, с уверенностью ощутить свое место в человеческом времени и истории. Как писателю ей было это необходимо. Ей не хватало людей. Ей не хватало человеческой интриги, драмы и борьбы за место под солнцем. Ей нужны были представители ее собственного вида не для того, чтобы общаться, необязательно, достаточно бы просто быть среди них как наблюдатель в толпе или анонимный свидетель.

Но здесь, на едва обитаемом острове, человеческая культура еле теплилась – тонкая пленка на поверхности глубоких вод. В душном окружении шипастых роз и густых бамбуковых зарослей она все глядела в окно и чувствовала, будто попала в нехорошую сказку. Ее околдовали. Она уколола палец и погрузилась в глубокий коматозный сон. Годы шли, и моложе она не становилась. Она выполнила обещание, данное отцу, она заботилась о матери. Теперь ее мать была мертва, и Рут чувствовала, как ее собственная жизнь проходит мимо. Может, настало время покинуть это место, в котором она когда-то надеялась навсегда обрести дом. Может, настало время двигаться дальше.

5

«Покинуть дом» – это буддийский эвфемизм для отказа от мирской жизни и вступления на монашеский путь. Нечто, в общем, противоположное тому, что виделось Рут, когда она думала о возможности вернуться в город. Учитель дзэн Догэн использует выражение в «Преимуществах ухода из дома» – это название главы 86 из его труда «Сёбогэндзо». Именно в этой главе он хвалит молодых монахов за упорство на пути к пробуждению и объясняет грануляр-

ную природу времени: 6 400 099 980 моментов³⁹ составляют один день. Цель его рассуждений – показать, что каждый из этих моментов дает возможность для волеизъявления. Даже щелчок пальцами, говорит он, предоставляет нам шестьдесят шесть возможностей для пробуждения и выбора действий, которые создадут нам благоприятную карму и возможность изменить жизнь.

«Преимущества ухода из дома» изначально появились в форме проповеди для монахов монастыря Эйхэй, основанного Догэном глубоко в горах префектуры Фукуи, вдали от упадка и морального разложения столицы. В «Сёбогэндзо» в конце этого текста стоит дата, когда была прочитана проповедь: летний медитационный период седьмого года Кэнтё.

Все прекрасно и удивительно. Можно легко представить себе летнюю жару, обволакивающую горные склоны; пронзительный стрекот цикад сотрясает прозрачный раскаленный воздух; монахи сидят час за часом в дзадзэн, неподвижные на своих залитых потом подстилках, а комары кружат над их блестящими лысыми головами, и пот течет, как слезы, по юным лицам. Время, должно быть, казалось им бесконечным.

Все прекрасно, за одним исключением: седьмой год эпохи Кэнтё соответствует 1255 году грегорианского календаря, и во время летнего медитационного периода в тот год учитель Догэн, который предположительно должен был читать проповедь о преимуществах покинутого дома, был мертв. Он умер в 1253-м, двумя годами и множеством моментов раньше. У этого несоответствия есть несколько объяснений. Одно из них, самое вероятное – Догэн набросал заметки к проповеди за несколько лет до смерти и оставил записи и комментарии к ним, намереваясь придать им завершённую форму позднее; потом этот текст был включен в окончательную версию; а проповедь была прочитана наследником дхармы Догэна, учителем Коун Эдзё.

Но существует и другая возможность, а именно, что в тот летний день седьмого года Кэнтё учитель Догэн не был полностью мертв. Конечно, полностью жив он тоже быть не мог. Подобно коту Шредингера в мысленном эксперименте по квантовой механике, он был жив и мертв одновременно⁴⁰.

Великие вопросы жизни и смерти – вот настоящая тема «Преимущества ухода из дома». Когда Догэн побуждает молодых монахов не прекращать, момент за моментом, вызывать в себе решимость оставаться на пути к просветлению, он просто имеет в виду: *Жизнь пролетает! Не тратьте зря ни единого момента вашей драгоценной жизни!*

Побуждайтесь сейчас!

И сейчас!

И сейчас!

6

Рут задремала прямо на стуле в кабинете на втором этаже. Башня из бумаги, олицетворение десяти лет ее жизни, возвышалась перед ней на столе. Буква за буквой, страница за страницей, она выстроила это здание, но теперь всякий раз, как мысли ее обращались к воспоминаниям, сознание сводило судорогой и ее охватывала неодолимая сонливость. Прошли месяцы, может, уже год с тех пор, как она добавила в свой труд хоть что-то. Новые слова отказывались приходить, и она едва могла вспомнить старые, те, что она уже записала. Она знала, что ей надо бы перечитать черновик, укрепить структуру, а потом начать редактировать, заполнять пропуски, но это было слишком для ее затуманенного мозга. Мир внутри страниц был смутным, как сон.

Снаружи Оливер рубил дрова; она вслушалась в ритмичный стук топора. Упражнения были ему полезны, и он уже несколько часов был на воздухе.

³⁹ Японское «сэцуна» (刹那), от санскритского «ксана» (приложение А).

⁴⁰ Некоторые соображения насчет Догэна и квантовой механики можно найти в приложении В.

Она собралась с духом и решительно выпрямилась на стуле. Поверх стопки воспоминаний лежал пухлый красный дневник. Она взяла его в руки, чтобы отложить в сторону. Ощущение от книги было как от маленького ящичка. Она перевернула дневник. Когда она была еще совсем ребенком, ее удивляло, что каждый раз, как она открывала книгу наутро, она находила буквы аккуратно расположенными на тех же самых местах. Почему-то она ожидала, что буквы все перепутаются за ночь, свалившись со страниц, когда она закроет обложку. Нао описывала что-то подобное – пустые страницы Пруста и ее ощущение, что буквы свалились со страниц, как дохлые муравьи. Читая об этом, Рут ощутила вспышку знакомого чувства.

Отложив книгу с глаз долой на дальний край стола, она яростно уставилась на рукопись. Может, то же случилось с ее страницами. Может, начав читать, она только обнаружит, что ее слова исчезли. Может, это будет только к лучшему. Может, это станет облегчением. Истерзанная рукопись злобно тарасилась на нее в ответ. Пока ее мать была жива, проект казался хорошей идеей. Угасание ее было долгим, и все это время Рут документировала постепенное разрушение рассудка матери; она вела наблюдения и за собой, тщательно записывая собственные реакции и чувства. Результатом стала громоздкая кипа бумаги, маячившая у нее на столе. Она проглядела первую страницу и тут же отбросила ее. Написанное бесило ее своим тоном, приторно-элегичным. Вызывало оскмину. Она была романистом. Ее интересовали чужие жизни. О чем она только думала, вообразив, что может написать мемуары?

Отрицать, что дневник Нао – это способ отвлечься, не имело смысла, и хотя она приняла решение замедлить темп чтения, добрую половину дня она все же проводила он-лайн, роясь в списках жертв землетрясения и цунами. Она нашла сайт People Finder и задала поиск на Ясутани. Таких было несколько, но ни одной Дзико или Нао, так что она стала просматривать описания, размещенные родственниками пропавших, в поисках совпадений. Информация о жертвах была скудной, только базовые факты: возраст, пол, место проживания, где их видели в последний раз, во что они были одеты. Часто присутствовали фотографии, снятые в более счастливые времена. Ухмыляющийся мальчишка в школьной кепке. Молодая женщина машет в камеру, стоя перед храмом. Отец в парке развлечений держит ребенка на руках. Под скудным слоем данных лежали трагедии. Все эти жизни, но среди них не было тех, что она искала. Наконец она сдалась. Ей не хватало информации о своих Ясутани, и единственным способом узнать побольше было чтение дневника.

Рут закрыла глаза. Она легко могла вообразить Нао, как та сидит одна в полутемной кухоньке и ждет, когда мать привезет отца домой из полицейского участка. Какими были для нее эти долгие моменты? Дневник давал смутное представление о ходе времени, о его фактуре. Ни один даже самый профессиональный писатель не смог бы передать словами течение проживаемой жизни, а Нао едва ли обладала подобным мастерством.

Застывшая в сумраке задрипанная кухня. Хостесс стонут и бьются о тонкие стены. Лязганье ключа в замке, должно быть, заставило ее вздрогнуть, но она осталась на месте. Шарканье ног в прихожей. Разговаривали ли ее родители между собой? Она слышала, как мать наполняет ванну, как отец раздевается в спальне. Она не двигалась. Не поднимала глаз. Не отрывала взгляда от пальцев, лежавших у нее на коленях, как маленькие мертвые вещи. Она слушала, как отец принимает ванну, как он, запинаясь, признается во всем под тяжелым взглядом матери. Подняла ли она украдкой взгляд на отца, и что сказали ей его покрасневшие щеки – что ему стыдно или просто жарко после ванны? Сколько моментов прошло между тем, как он начал говорить, и тем, как ее мать встала и ушла из комнаты? Жужжание люминесцентной лампы – звучало ли оно громче обычного в наступившей тишине?

А потом в их общей с родителями спальне она натянула одеяло на голову? Или включила свет, чтобы почитать книгу или чтобы подготовиться к тесту, точно зная при этом, что провалится на следующий день? Может, она вышла в интернет и прогуглила «самоубийство, мужчины», пока родители позади нее спят – или притворяются, что спят, – на своих отдельных

футонах, повернувшись друг к другу спиной? Если это был интернет, то она узнала, как и Рут, что в Японии самоубийство обошло рак как основная причина смерти для мужчин среднего возраста, так что ее отец попал прямо в точку. Стало ли это для нее утешением? Она сидит в одной пижаме, в темноте перед светящимся квадратом монитора, краем сознания улавливая дыхание родителей – то порознь, то в унисон; отец дышит громче и ровнее, несмотря на очевидное желание вовсе прекратить это занятие; дыхание матери мягче, но оно то прерывается внезапно паническим вдохом, то вовсе останавливается в приступе апноэ.

Что она чувствовала в этот момент?

Рут открыла глаза. Что-то изменилось. Она вслушалась: стая турпанов срывается с воды, стакато хохлатого дятла, шумная возня и карканье воронов; но ее насторожил не звук, а, скорее, его отсутствие – не хватало ритмичного стука Оливерова топора. Она ощутила растущий страх. Когда прекратился стук? Встав, она подошла к окну, из которого было видно поленницу. Мог он пораниться? Внезапный приступ головокружения – и ноги нет? Сельская жизнь полна опасностей. Каждый год на острове кто-то умирал, или тонул, или получал серьезную травму. Их сосед умер, собирая яблоки. Свалился с лестницы прямо на голову, и жена обнаружила его тело под деревом, среди рассыпавшихся плодов. Опасности были повсюду – лестницы, яблони, скользкие замшелые крыши, водосточные трубы, топоры, колуны, дробовики, охотничьи ножи, волки, пумы, сильный ветер, внезапно падающие ветви, неожиданная волна, плохая проводка, наркотики, пьяные водители, пожилые водители, самоубийство и даже убийство.

Она выглянула из окна. Внизу на подъездной дорожке стоял ее муж, на обеих ногах. С виду он был в порядке. Стоял он рядом с поленницей, одна рука в кармане, другая – на рукоятке топора, и, глядя на дерево, слушал воронов.

7

– Вернулась та джунглевая ворона, – сообщил он тем вечером в ванной. – Сводит воронов с ума.

Рут промычала что-то в ответ. Она чистила зубы электрической щеткой, и рот у нее был забит зубной пастой. Оливер вытянулся в ванне, перелистывая последний номер журнала «Нью Сайнс», а Песто взгромоздился на бортик рядом с его головой.

– Я тут читал о джунглевых воронах, – продолжал он. – Похоже, в Японии они стали большой проблемой. Они очень умны. Запоминают расписание сборщиков мусора, а потом ждут, когда домохозяйки выставят мусор наружу, разрывают пакеты и растаскивают то, что внутри. Едят котят и выют гнезда из металлических вешалок на столбах электропередач – короткие замыкания обесточивают целые районы. Токийская электрическая компания утверждает, что из-за ворон происходят сотни блэкаутов в год, в том числе крупных, из-за которых останавливаются скоростные поезда. У них там есть специальный вороний патруль, который охотится за птицами и разбирает гнезда. Но вороны их перехитрили – они стали строить фальшивые гнезда. Детям приходится ходить в школу под зонтиком, чтобы защититься от атак с воздуха и прикрыться от помета, а дамы перестали носить в волосах блестящие заколки.

Рут сплюнула.

– Ты так весело об этом рассказываешь, – сказала она в раковину.

– Ну да. Мне нравятся вороны. Мне вообще нравятся птицы. Помнишь те случаи с совами в Стэнли-парке пару лет назад. Все эти джоггеры вдруг начали осажать приемные врачей с порезами на голове, жалуясь, что на них совы напали? Врачи, наконец, догадались, в чем дело. В это время молодые совы становятся на крыло, и все это были птенцы, которые только начали постигать совиные премудрости. Тут кто-то заметил, что все эти бегуны были лысеющие парни средних лет с хвостиками. Вообрази вид сверху: скачущие блестящие лысины и

хвостики сзади, как у грызунов. Прямо рыболовные блесны. Для совенка совершенно неотразимо.

Рут встала и вытерла рот полотенцем.

– Ты – лысеющий парень средних лет, – указала она. – Тебе бы надо поосторожнее.

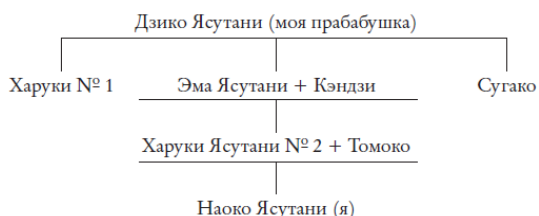
Она слегка постучала его по макушке по пути к двери. Кот сделал выпад лапой в ее сторону.

– Да, – ответил Оливер, возвращаясь к «Нью Сайнс». – Но как видишь, хвостика у меня нет.

Нао

1

Дзико Ясутани – моя прабабушка с папиной стороны, и у нее было трое детей: сын по имени Харуки и две дочери, Сугако и Эма. Вот наше семейное древо:

Эма была моей бабушкой, когда она вышла замуж, Дзико усыновила ее мужа Кэндзи, чтобы он занял место Харуки, убитого во Вторую мировую. Не то чтобы кто-то мог заменить Харуки, но семье нужен был сын, чтобы имя Ясутани не исчезло.

Харуки был папин дядя, и Эма назвала папу в его честь. Харуки № 1 был пилотом-камикадзе, что, если подумать, довольно странно, потому что до войны он был студентом философского факультета в Токийском университете, а мой папа, Харуки № 2, очень любит философию и все время пытается себя убить, так что, думаю, можно сказать, самоубийство и философия – это семейное, по крайней мере, для всех Харуки.

Когда я сказала об этом Дзико, она мне напомнила, что вообще-то Харуки № 1 не хотел совершать самоубийства. Он был просто молодым парнем, любил книги и французскую поэзию, он даже не хотел драться на войне, но они его заставили. Они тогда всех заставляли драться на войне, хотел ты этого или нет. Дзико говорит, в армии Харуки терпел издевательства из-за любви к французской поэзии, так что вот еще две семейные черты: интерес к французской культуре и быть жертвой издевательств.

Короче, из-за того, что Харуки был убит на войне, сначала его сестра, Эма, а потом и мой папа стали носить фамилию Ясутани, и в итоге сегодня я – Нао Ясутани. И, так на минуточку, когда я смотрю на семейное древо, мне сильно не по себе – ты только погляди, все зависит от МЕНЯ. И поскольку заводить детей я не собираюсь, это, типа, все. Капут. Финито. Сайонара, Ясутани.

Кстати, об именах – бабушку Эму назвали в честь Эммы Голдмен, героини Дзико. Эмма Голдмен была знаменитой анархистской дамой давным-давно, когда Дзико еще не выросла, и Дзико думает, что она была реально крута. Эмма Голдмен написала автобиографию под названием «Жить моей жизнью», и Дзико все подсовывает ее мне, чтобы я ее почитала, но я слишком занята – живу своей собственной жизнью или пытаюсь понять, как это дело прекратить.

Младшую дочь Дзико назвала Сугако, в честь Канно Сугако, еще одной героини Дзико и знаменитой анархистки. Она стала первой женщиной, повешенной в Японии за измену родине. Сегодня Канно Сугако называли бы террористкой, потому что она пыталась подорвать императора бомбой, но стоит послушать, как Дзико о ней рассказывает, – сразу понятно, Ба на это не купишь. Дзико ее просто обожала. Они не были любовницами или там что еще, потому что Дзико была еще совсем ребенком, когда Сугако повесили, и, наверно, даже никогда ее не видела, но я думаю, она была по-своему в нее влюблена – как сейчас девчонки влюбляются в поп-див постарше себя или в женщин-рестлеров. Сугако написала дневник под названием

«Размышления на пути к виселице», который мне тоже полагается прочесть. Название крутое, конечно, но почему этим дамам-анархисткам нужно было **СТОЛЬКО** писать?

Когда папа был маленький, бабушка Эма частенько брала его с собой на север, в храм старой Дзико, куда она переехала, когда стала монахиней, так что они сильно сблизились. Папа сказал, они брали меня с собой на поезде пару раз, когда я была еще младенцем, но потом мы переехали в Саннивэйл, и я больше не видела Дзико, пока папу не вытащили с рельс и я не узнала, что он за человек.

2

Инцидент со скоростным экспрессом до Чуо стал для нас поворотным моментом, хотя все мы притворялись, что ничего такого никогда не случилось. После Инцидента папа начал постепенно удаляться от мира и превращаться в хикикомори⁴¹, а до мамы наконец дошло, что, если кто-то в этой семье и добудет работу, это явно будет не папа. Она перестала ходить в аквариум созерцать медуз, обзавелась симпатичным костюмом и корпоративной стрижкой, обзвонила кучу однокурсников из университета и умудрилась устроиться на работу административным ассистентом в издательский дом, публиковавший академические журналы и учебники. Если ты хоть что-то знаешь про устройство японских компаний, тебе должно быть понятно, насколько это круто, потому что хотя должность и была для зеленых новичков и деньги платили отстойные, это было обалденно, потому что ей было тридцать девять, а никто не нанимает тридцатидевятилетних ОЛ⁴².

Теперь у нас имелся папа, прячущийся в квартире, и мама, которая приносила в дом плюшки, что оставляло проблему в лице меня. Новый школьный год начался в марте, и я каким-то образом смогла попасть в девятый класс, но идзимэ стало только хуже. До того мне удавалось скрывать маленькие шрамы и синяки от щипков на руках и ногах, но потом у нас сломалась ванна. Она всегда текла и вечно была покрыта черной плесенью, но, по крайней мере, ей можно было пользоваться, но когда сломался обогревательный элемент и хозяин не стал его чинить, хотя он вроде как был папиным другом, мы начали ходить в сэнто⁴³.

Я знала, если мама увидит меня голой и крупным планом, разоблачение неизбежно. Так что в первый раз, как мы пошли, я вся была такая: «Ах, какой ужас! Ни за что не разденусь перед всеми этими бабушками!». И не то чтобы я притворялась. Наконец маму это задолбало и она оставила меня в раздевалке, я все-таки разделась и пошла за ней, прикрываясь спереди идиотским маленьким полотенцем и желая умереть. Я помню только, что старалась не глядеть ни на что, кроме собственных ног, и жутко краснела, стоило мне случайно увидеть чей-нибудь сосок. Если я и научилась чему-то в жизни, превратившись из ребенка техноппи среднего достатка из Саннивэйла, Калифорния, в ребенка безработного лузера из Токио, Япония, так это тому, что человек может привыкнуть к чему угодно.

После того первого раза я старалась ходить мыться, пока мама была на работе. Ходить в сэнто с утра приятнее, потому что в ваннах мало народа и всегда можно найти местечко у крана и наблюдать за тем, что происходит вокруг. В нашем районе в этот час в сэнто собирались в основном реально старые бабушки и хостесс из баров – они готовились к работе, и подсматривать было интересно и за теми, и за другими.

Это было здорово, правда. В Саннивэйле, Калифорния, у тебя немного шансов увидеть обнаженных дам, кроме как порнозвезд с журнальных обложек на заправке, а это нельзя назвать реалистичными впечатлениями. И на фото никогда не будет по-настоящему старых

⁴¹ Хикикомори (引きこもり) – затворник, человек, который отказывается покидать дом.

⁴² О эру – OL, сокращение от английского office lady в японском произношении.

⁴³ Сэнто (洗湯) – общественные бани.

бабушек, потому что это, наверно, незаконно или вроде того, так что мне было очень интересно – с научной точки зрения. То есть понимаешь, хостесс стройные и кожа у них гладкая, и хотя грудь и талия и бедра у всех разной величины, все они молодые и выглядят, в общем, одинаково. Но бабушки... Блин! Вот они абсолютно разных размеров и форм, у одних грудь огромная и жирная, а у других – просто лоскутки кожи с сосками, похожими на дверные ручки, и животы, как пенка на молоке, когда ты ее сдвигаешь в сторону ложкой. Мне тогда нравилось играть в игру – мысленно собирать пары из бабушек и хостесс, представлять, какое молодое тело превратится в какое старое, и как эти симпатичные грудки увянут, став вот теми грустными старыми лоскутками, или как живот надуется или опадет и съжжется. Странно это было, вроде как ты видишь время на убыстренной перемотке – знаешь, такой мгновенный буддизм?

Особенно меня зачаровывали хостесс и их гигиенические процедуры. Я иногда шла за ними в сауну и наблюдала, как они удаляют омертвевшую кожу с тел особыми кисточками и бреют лица крошечными бритовками пастельных цветов. Что они там брили? Нельзя сказать, чтобы у них бороды росли. Когда они только заходили, сразу видно было, они только что проснулись – они постоянно зевали и говорили «доброе утро», даже если дело шло уже к вечеру, но вообще много они не разговаривали, и глаза у них были опухшие и налитые кровью от похмелья. Но всего через час, после бани, они были разогретые, розовые и душистые, и когда, обсушившись, сидели в раздевалке в кружевном белье и накладывали макияж, они уже смеялись и болтали вовсю о своих вчерашних клиентах. Когда они начали меня узнавать, то даже стали поддразнивать насчет груди, которая тогда начала у меня расти, и ты, наверно, подумаешь, мне было стыдно – но стыдно мне не было. Я втайне даже была польщена, что меня заметили. Я ими восхищалась. Я думала, они храбрые и ведут себя как свободные женщины, и делают именно то, что хотят, и, наверно, поэтому мама решила, что это для меня не слишком здоровая среда. Теперь она заставляла меня ждать до после ужина, а это самое дурацкое время – сплошь занудные мамыши и их доставучие дети, а еще тетеньки средних лет с крашеными волосами, которым больше всех надо, и они любят разглядывать тебя и комментировать то, что никак их не касается. И уж конечно, одна из них заметила мои синяки, хотя я старалась держаться в дальнем углу и прикрываться по мере возможности, и очень громко сказала:

– Опа! Что это с тобой случилась, девочка? У тебя что, сыпь?

Сначала мама не обратила на это никакого внимания, но эта стерва прямо взяла и позвала ее:

– Окусан, окусан⁴⁴! Что это у вашей дочери с кожей? Она вся в буцубуцу⁴⁵. Надеюсь, это не заразно!

Мама подошла и встала рядом. Я сидела, скорчившись над тазиком, а она взяла меня за запястье и повернула руку, рассматривая внутреннюю сторону, где синяки были гуще всего. Ее пальцы впились мне прямо в кость, и это было побольнее, чем щипки одноклассников.

– Может, ей в воду-то лезть не надо, – продолжала вещать старая грымза. – Вдруг эта сыпь заразная...

Мама отпустила мою руку.

– Тондемонай⁴⁶, – сказала она. – Это просто синяки после физкультуры в школе. Играли немного жестко. Верно я говорю, Наоко?

Я только кивнула и сосредоточилась на мытье, на том, чтобы меня не вырвало и чтобы не закричать и не убежать. Мама вернулась в ванну и не сказала мне больше ни слова, пока мы не закончили мыться, но потом, когда мы вернулись в квартиру, она завела меня в спальню и

⁴⁴ *Окусан* (奥さん) – жена. Иероглиф (奥) означает «то, что внутри» (дома). С суффиксом «-сан» образует формальное обращение к замужней женщине.

⁴⁵ *Бущубуцу* (ぶつぶつ) – прыщи, сыпь.

⁴⁶ *Тондемонай* – это ничего.

заставила раздеться опять. Папа еще не вернулся из бань. Сэнто были единственным местом за пределами квартиры, куда он еще выбирался, так что он обычно не торопился и иногда позволял себе выпить баночку холодного пива после бани, и квартира была в полном мамином распоряжении, когда она за меня взялась. Она подтянула настольную галогенную лампу поближе к тому месту, где я стояла, и провела тщательный досмотр, и в миллионный раз я подумала, что сейчас умру. Она нашла все синяки, все маленькие шрамы и царапины от ножниц, и даже лысое пятно на затылке, откуда мальчик, сидевший сзади меня, выдирал у меня волосы по одному. Я попыталась соврать, сказала, что это аллергия, потом – что волосы у меня выпадают от стресса, а потом – что это и **вправду** от уроков физкультуры, потом предположила, что это может быть гемофилия, или лейкемия, или болезнь Виллебранда. Но мама ни на что не купилась, и в конце концов мне пришлось сознаться и рассказать о том, что происходило на самом деле. Я старалась показать, будто в этом нет ничего особенного – мне совершенно не хотелось, чтобы она побежала в школу жаловаться и гнать волну.

– Все в порядке, мам. Правда, ничего личного. Ты же знаешь, какими бывают дети. Я новенькая. Они это со всеми делают.

Она покачала головой.

– Может, ты недостаточно стараешься с ними подружиться, – предположила она.

– У меня полно друзей, мам, правда. Все хорошо.

Ей хотелось мне верить. Я знаю, когда мы только переехали в Токио, она очень переживала, как я там буду в новой школе, но потом она отвлеклась на медуз, а потом – на Инцидент со скоростным экспрессом до Чуо, и какое-то время казалось, что из нашего семейства я приспособилась лучше всех. А еще потом, когда мама влилась в ряды офисного планктона и стала работать на настоящей работе, у нее не было особо много времени беспокоиться из-за школы, не говоря уж о том, чтобы приглядывать, что я там делаю после уроков. Она не хотела, чтобы я зависала с хостесс в банях, но оставлять меня одну с папой в квартире она тоже не хотела, из-за его депрессии и суицидальных тенденций. Думаю, она боялась, что он слетит с катушек, как эти американские папаши, которые расстреливают жен и детей из дробовика прямо в кроватях, а потом идут в подвал и вышибают себе мозги, за тем исключением, что в Японии из-за строгих законов насчет оружия они обычно выбирают вариант с трубами, изоляцией, угольными брикетами и семейной машиной. Я знаю, потому что к тому времени у меня уже вошло в привычку вычитывать в газетах статьи про самоубийства и насильственную смерть и страдания. Я хотела знать как можно больше, чтобы быть готовой, когда папа умрет, но тут я вроде как под села на эти истории, особенно уже потом, когда стала читать их вслух Дзико, чтобы она могла проделать эту свою штуку с благословением и дзюдзу.

Короче, если вспомнить, что со мной делали одноклассники, я бы точно предпочла попытаться удачи с папой, особенно если учесть, что машины у нас нет, равно как и дома с подвалом. Но у мамы моей уверенности не было.

– Как насчет дополнительных занятий в школе? – предложила она. – Это же начало учебного года. Ты вроде должна вступить в какой-нибудь клуб? Ты посоветовалась с классным руководителем? Мне, наверно, надо бы с ним поговорить...

Знаешь, как в мультиках, вот кто-то очень удивляется, у него глаза выпрыгивают из орбит, вроде как на пружинках или на резиночках? Честное слово, именно это и случилось, а потом челюсть моя обрушилась на пол, как бульдозерный ковш. Я стояла в белых хлопковых трусиках и маечке посреди спальни, под лучом галогенной лампы и чувствовала тяжесть в желудке, будто большая холодная рыба умирала прямо у меня под сердцем. Я просто глядела на нее и думала, блинблинблин, она же сделает так, что меня убьют. Только что она осмотрела меня всю и видела, что со мной делают мои одноклассники, и теперь предлагает мне проводить в их компании время еще и после школы?

Я к тому времени была убеждена, что папа сошел с ума – тогда я еще думала, только психи пытаются себя убить, но где-то внутри, мне кажется, я все еще надеялась, уж мамато опять в норме – теперь, когда она прекратила смотреть медуз и нашла работу. Но в тот момент до меня дошло: она столь же безумна и ненадежна, как и папа, доказательством чему служил этот ее вопрос, а это значило, что в моей жизни не осталось никого, чтобы положиться в смысле безопасности. Не думаю, что когда-либо в жизни я чувствовала себя настолько голой и настолько одинокой. Колени у меня обмякли, и я сползла на пол, скорчившись, баюкая рыбу. Она дернулась в последний раз, достав до самого горла, а потом упала обратно вниз и лежала там, судорожно глотая воздух. Я обняла ее. Она умирала у меня на руках. Я собрала одежду с татами и натянула ее, повернувшись к маме спиной, чтобы не видеть ее лица, как она разглядывает мое тело.

– Все будет о'кей, мам. Занятия после школы не такие уж интересные.

Но она меня не слышала.

– Нет, – сказала она. – Знаешь, я думаю, мне все-таки надо поговорить с твоим классным руководителем...

Рыба трепыхнулась в изгибе ребра.

– Не думаю, что это хорошая идея, мам.

– Но Нао-чан, это должно прекратиться.

– Это прекратится. Правда, мам, просто не делай ничего.

Но мама потрясла головой.

– Нет, – сказала она, – я не могу просто стоять и смотреть, как это происходит с моей дочерью.

В ее голосе прорезалось что-то новое – такая очень американская решительная нотка, которая шла в комплекте с ее новой стрижкой и манерой «раз-два, взяли» а-ля Хилари Клинтон, и это реально меня напугало.

– Мам, пожалуйста...

– Симпай синакутэ ии но йо, – сказала она, слегка обнимая меня за плечи.

Не беспокойся? Какая же глупость!

3

Сначала все было тихо, и пару дней я думала, может, она забыла или передумала. Папа, став хикикомори, перестал провожать меня в школу, так что шла я одна, и у меня вошло в привычку приходить в самый последний момент, прямо перед звонком на урок. Еще в привычку у меня вошло убивать время в маленьком храме по дороге, вдыхая благовония, слушая птиц и насекомых. Я не молилась Будде – тогда я считала, он вроде Бога, а в Бога я не верю, что неудивительно, учитывая, насколько жалкими были отцовские фигуры в моей жизни. Но старый Шака-сама не такой. Он никогда не притворялся чем-то большим, чем мудрый учитель, и теперь я совсем не против ему молиться – это все равно, что молиться старой Дзико.

В саду за храмом есть такой маленький холмик, покрытый мхом; на нем растет скрюченное кленовое дерево и стоит каменная скамейка, и я часто сидела там и смотрела, как бледные кулачки почек разворачиваются в зеленые ладони. Осенью, когда эти самые листья становились бронзовыми и опадали, монах сметал их со мшистого ковра бамбуковой метелкой, а весной он иногда выходил, чтобы выполоть пару сорняков. Этот зеленый холмик был вроде его личного крошечного островка, о котором он заботился, и никогда ничего мне так не хотелось, как стать тоже крошечной и поселиться там, под кленом. Так спокойно там было. Я обычно сидела на скамейке, представляя себе все это, до самого последнего момента, когда надо было уже покидать стены храма, где я была в безопасности, и идти в школу, где безопасности не было, и успеть проскользнуть в ворота в тот самый миг, как затихал последний звонок.

Это вошло у меня в привычку, но через неделю после того, как мама нашла у меня шрамы и синяки, я пришла в сад и обнаружила, что ворота забаррикадированы. На территории храма шли строительные работы, так что в тот день я пришла в школу рано.

И сразу поняла – что-то изменилось. Ни одна голова не повернулась, когда я подходила, будто меня вообще никто не заметил. Я немного помялась перед воротами, потом просочилась внутрь, но никто меня не ждал, не следил за мной, не окружал. Я насторожила уши, но так и не услышала, как дети с горящими глазами сладко выпевают мое имя. Они все просто меня игнорировали и продолжали болтать друг с другом, будто меня тут и не было.

Сначала я занервничала и вроде как ощутила облегчение и даже радость, но потом подумала – нет, погодите-ка минуточку, может, они задумали какое-то мегазлю. Не глупи, Нао! Берегись! Будь настороже! Так что я держала глаза открытыми и ушки на макушке и ждала. Шли утренние уроки, долбежка и долбежка – история Японии, математика, моральное воспитание, но ко мне все никто не докапывался. Никто меня не щипал, не плевал в меня и не тыкал ручкой. Никто не зажимал нос, не угрожал, что изнасилует, не притворялся, что его тошнит, проходя мимо моей парты. Мальчик, сидевший сзади, ни разу не дернул меня за волосы, и к полудню я начала верить, что кошмар наконец-то позади. Во время перерыва на обед меня оставили на час совершенно одну за партой с коробкой для ланчей, и никто не смахивал ее на пол и не наступал на рисовые колобки. На перемене я стояла сама по себе, прижавшись спиной к забору, и смотрела, как другие болтают и хохочут. Когда прозвонил звонок и уроки на тот день закончились, я шла по переполненным коридорам, будто невидимка – привидение или дух мертвеца.

Не знаю, может, этот мамин визит в школу заставил их прекратить физические пытки. Вообще-то сомневаюсь. Может, им просто надоело, и все и так прекратилось бы само собой, а мамины жалобы просто подтолкнули их в это новое русло. Не знаю, с кем там она говорила, но, скорее всего, это не был мой новый классный руководитель Угава-сэнсей – он заменял в девятом классе постоянную учительницу, которая ушла в декрет. Думаю, мама сразу пошла к начальству, к замдиректора или даже к самому директору, а думаю я так потому, что Угава-сэнсей делал то же, что мои одноклассники, – игнорировал и притворялся, что в упор меня не видит и не слышит тоже. Сначала я не замечала. Он всегда меня игнорировал и никогда не вызывал, а поскольку я никогда не поднимала руку на уроке, чтобы ответить на вопрос, можно сказать, что это было взаимно. Но потом он придумал эту новую штуку во время утренней переключки. Он читал мое имя – «Ясутани!», а я отвечала: «Хай!», но, вместо того, чтобы отметить, что я присутствую, он кричал еще раз: «Переводная ученица Ясутани!», будто не слышал меня. И опять я отвечала «ХАЙ!», громко, как могла, но он хмурился, тряс головой и отмечал, что я отсутствую. Так продолжалось пару дней, пока я не заметила, что некоторые мальчишки хихикают, и тут до меня начало доходить. Тогда голос у меня прекратил работать. Как бы я ни старалась, я не могла выдать ни звука. Мышцы горла будто превращались в руки убийцы, душащие мой голос, когда он пытался выбраться наружу. Иногда кто-то из ребят отвечал за меня, услужливо сообщая: «Ясутани-кун ва русу дэсу йо»⁴⁷, и спустя какое-то время на переключке я уже просто сидела, уставившись на исцарапанную парту, крепко сжав губы, потому что знала – они все участвуют в шутке, все хихикают про себя.

Был в этом какой-то странный покой. Меня не так уж раздражало молчаливое хихиканье – по крайней мере, шрамов оно не оставляло, и я почти могла порадоваться за Угаву-сэнсея, как он набирает очки у популярных ребят в классе и вообще ладит с ними. Учитель на замену – создание еще более жалкое, чем переведшийся ученик, а Угава-сэнсей был даже еще большим лузером, чем я, и мне было его жаль.

⁴⁷ *Ясутани-кун ва русу дэсу йо* – Ясутани отсутствует.

Голова у него по форме и окраске напоминала эноки⁴⁸; он лысел, и зубы у него были плохие, а носил он полиэстровые водолазки с хлопьями перхоти на плечах – будто споры. И пахло от него плохо, несло как от козла.

Я все это говорю не со зла, а просто, чтобы тебе было понятно, как ничтожна была вероятность того, что такой лузер, как Угава-сэнсей, станет популярной фигурой у заводил класса, но благодаря мне это все-таки случилось. Я видела радостное волнение у него на лице, когда он называл мое имя и притворялся, что ждет ответа. Я видела это по тому, как он смотрел на меня, потом – сквозь меня, так убедительно, я почти могла поверить, что меня здесь нет. А отсутствие мое он отмечал триумфальным росчерком карандаша, будто это было прямо какое-то достижение.

Я надеюсь, ты понимаешь, я не считаю его плохим. Я думаю, он просто был крайне неуверенным человеком и мог убедить себя в чем угодно, как умеют неуверенные люди. Как мой папа, например, который убедил себя, что его самоубийство не повредит ни мне, ни маме, что на самом деле нам без него будет лучше, и в один прекрасный момент в не столь уж отдаленном будущем мы осознаем это и еще поблагодарим его за то, что он покончил с собой. Тоже самое с Угава-сэнсеем, который, верно, сообразил, что отсутствовать мне будет приятнее, чем присутствовать, и ведь он был прав. Он вроде как даже помогал мне добиться цели, и в результате я почти была ему благодарна.

Я скользила сквозь череду школьных дней, как облачко, как дрейфующая полоса тумана, почти неощутимо, а после школы я шла обратно в квартиру, обычно практически одна, а это было гораздо лучше, чем когда за мной гнались и ставили подножки, и толкали на торговые автоматы и на велосипедные стойки с кучей велосипедов. Я знала, до безопасности мне пока далеко, потому что иногда одноклассники шли за мной, но они всегда оставались на другой стороне улицы или отставали на полквартиры; они обменивались громкими комментариями насчет вонючей дыры, где я обитала, но хотя бы не заговаривали со мной и не трогали меня.

Когда я добиралась до дома, папа обычно готовил мне что-нибудь перекусить, и я сидела с ним и делала уроки или просто подвисала в интернете, убивая время или обмениваясь сообщениями с Кайлой, моей лучшей подругой из Саннивэйла, которой я все еще нравилась достаточно, чтобы общаться со мной онлайн. Но, если честно, это тоже было довольно странным занятием, потому что она все хотела знать, как там моя школьная жизнь, а про идзимэ я ей сообщать не собиралась, потому что тогда бы она поняла, каким жалким лузером я стала, так что вместо этого я просто объясняла ей всякие смешные странности про Японию. Японская культура – довольно популярная штука у молодежи в Штатах, так что в основном мы просто болтали про мангу, и J-Pop, и анимэ, и модные тренды, и всякое такое.

«Ты так далеко, – писала Кайла, – что кажешься нереальной».

Это было правдой. Я была нереальной, моя жизнь была нереальной, и Саннивэйл, вполне реальный, был от нас в газиллионах миль в пространстве и времени, прекрасный, как Земля, с точки зрения космонавтов из глубокого космоса – нас с папой, живущих на космическом корабле, скитающихся в холодной черноте.

4

Я сказала, что папа удалился от мира и стал хикикомори, но я не хочу, чтобы у тебя сложилось неверное впечатление. Папа меня любил и хотел, чтобы я была в безопасности. Он не собирался слетать с катушек и совать наши головы в духовку или что там еще. И хотя в большинстве своем эти типы, хикикомори, проводят день и ночь, не вылезая из дома, читая

⁴⁸ Эноки (えのき) – мелкие грибы белого цвета с круглой маленькой шляпкой на длинной нитевидной ножке; растут колониями в темных местах, никогда не видя солнечного света.

порномангу и торча на хентайных фетиш-сайтах, слава богу, папа мой был не настолько жалок. Он был жалок по-другому. Он практически перестал выбираться онлайн, а вместо этого убивал время, читая книги по западной философии или делая насекомых-оригами, а оригами, как тебе, наверно, помнится с детства, – это такое японское искусство, когда из бумаги всякие фигурки складывают.

Вся эта история с философией началась из-за того, что мамина компания издавала ту серию под названием «Великие умы философии Запада». Как ты, наверно, догадываешься, «Великие умы философии Запада» бестселлером не были, так что мама принесла одно из завалявшихся собраний домой в надежде, что это поможет папе обрести смысл жизни, ну, и, опять же, книги достались ей совершенно бесплатно. Он начал с Сократа, а потом разделялся примерно с одним философом в неделю. Не думаю, что это особо помогло ему со смыслом жизни, но, по крайней мере, у него появилась четкая цель, а это чего-то стоит. Мне кажется, не так важно, что – главное, найти это что-то, занять себе руки, пока влачишь эту бессмысленную жизнь.

А все свои представления об оригами можешь забыть, потому что все эти журавлики, шляпы, кораблики и бомбочки и рядом не лежали со штуками, которые складывал папа. Эти штуки были оригами-на-стероидах, абсолютно безумные и прекрасные. Вообще-то он любил складывать из «Великих умов философии Запада» – прочитав пару страниц, вырезал их из книги с помощью макетного ножа и линейки со стальным краем. Как ты, наверно, знаешь, в западной философии довольно много великих умов, и книги были напечатаны на супертонкой бумаге, чтобы умов в серию влезло побольше. Папа говорит, из тонкой бумаги легче складывать, особенно если делаешь что-то сложное, вроде *Tyrophylus dichotomus* (это японский жук-носорог) или *Mantis religiosa* (это богомол обыкновенный). Складывал он только те умы, которые ему не нравились, так что у нас теперь было полно насекомых из Ницше и Гоббса.

Папа часами сживал на полу за котацу⁴⁹, читая и складывая, складывая и читая, а я сидела рядом и делала уроки, если он обещал не курить слишком много. Он потреблял такие фальшивые пластиковые сигареты со вкусом мяты, чтобы заглушить никотиновый голод, и иногда я просила у него одну, и мы сидели друг напротив друга, сгорбившись над книгами, вместе жуя и терзая наши фальшивые сигареты. Это было довольно мило, потому что он постепенно начинал приходить в волнение, а когда он приходил в волнение, то начинал кивать. Он кивал и кивал, а когда совсем уж входил в раж, то вцеплялся обеими руками в оправу очков, будто это был бинокль, а он пытался приблизить страницу, чтобы разглядеть слова получше и увидеть в них еще больше смысла. Трудновато бывало сосредоточиться, когда сидишь напротив, а он начинает кивать и трясти головой, особенно если он еще говорить начинал. Он бормотал:

– Так, так, таак... – А потом взрывался: – Так! Сорэ! Сорэ да йо!⁵⁰

А иногда он отвлекал меня – говорил:

– Нао-чан, ты только послушай! – и читал страницу или две из Хайдеггера.

Будто мне что понятно, да? Но мне было плевать. Это было гораздо интереснее, чем дурацкая домашка, которую надо было делать для школы. Мы проходили по математике прямые пропорции, и каждый раз, как я видела задачку вроде: «Если поезд, который идет со скоростью 3 километра в минуту, пойдет со скоростью x километров за x минут, тогда...», у меня взрывался мозг, и я могла думать только о том, как тело будет выглядеть в момент столкновения, на какое расстояние отлетит голова и куда кровь разбрызгает. Папина философия было гораздо суше и не так причудлива, как моя математика, и хотя не понимала я ровным счетом ничего, может, что-то и осело. Мне лично нравилось, что папа не тратит все свое время на

⁴⁹ *Котацу* – низкий стол с обогревателем под столешницей с одеялом, чтобы удерживать тепло.

⁵⁰ *Сорэ! Сорэ да йо!* – Вот! Вот оно!

какую-то дурацкую работу, или на полировку резюме с целью раздобыть какую-то дурацкую работу, или сидя на скамейке в парке Уэно, притворяясь, что он на какой-то дурацкой работе и кормя вместо этого ворон. Мне нравилось, что он, похоже, вообще отказался от идеи насчет работы, и у него было свободное время, и проводил он его со мной, хотя я и подозревала, что он предпочел бы быть мертвым.

5

Кстати, о свободном времени, ты знаешь о фуриитаа⁵¹? В Японии это такие люди, которые работают на временных работах, и у них куча свободного времени, потому что они не строят карьеру и не трудятся полный рабочий день на компанию. Я подумала об этом потому, что сейчас сижу опять в «Унылом фартучке Фифи», и вот случайно посмотрела вокруг, и вижу, что окружают меня сплошные отаку, которые все, наверно, фуриитаа, и поэтому у них есть время сидеть здесь между работами или перед тем, как вернуться к себе в комнату в доме у папы с мамой. А французские горничные – уж точно фуриитаа, и работают они здесь только временно, пока не найдут местечко получше или просто не заведут папика. И официанты, и ребята на кухне все фуриитаа, если только они не иммигранты или не приехали на время из другой страны. Иммигрантов или временных работников-иностранцев нельзя называть фуриитаа, потому что у них вообще нет никаких шансов раздобыть настоящую работу в японской компании.

Ты, наверно, думаешь, да кому вообще нужна эта настоящая работа в японской компании? Наверняка знаешь эти жуткие истории про японскую корпоративную культуру, безразмерный рабочий день и зарплатников, у которых никогда нет времени на семью, даже детей они не могут обнять, а потом падают мертвыми от переутомления, что само по себе – целое отдельное явление⁵². Если сравнивать, конечно, может показаться, что фуриитаа – это совсем неплохо. Но это не так. Япония – не лучшее место для фри-чего-угодно, потому что «свободный» значит только «совершенно один», а также «не на своем месте» и «не свой».

Иногда люди пишут это на английском как *freeter*, что очень похоже на *fritter*, как в выражении *fritter your life away* – «прожигать жизнь», – именно то, чем занимаемся мы с папой, если хочешь мое мнение знать. Мои-то какие годы, смотрюсь я не так уж убого, но вот папа меня сильно беспокоит.

О'кей. На чем я там остановилась?

⁵¹ *Фуриитаа* – фрилансер, от английского *free* + немецкое *arbeiter*.

⁵² Вероятно, *кароси* (過労死) – «смерть от переутомления на работе» – японский феномен 1980-х годов, во время расцвета японского экономического пузыря.

Рут

1

«Фриттеры, – подумала Рут. – Это мы. Прожигаем свою жизнь».

Она закрыла дневник и положила себе на живот. Рядом спал Оливер. Она читала ему вслух, и он заснул. Она не стала будить его, просто продолжив читать про себя. Она знала, что от истории о хикикомори ему стало не по себе. Ей тоже было неудобно.

Переезд на остров был для них бегством. Первый Новый год здесь они провели на диване; маму завернули в одеяло и надежно устроили между собой, дешевое игристое вино в бокалах, на экране телевизора – мир, которому только что стукнуло 2000. ВВС вели репортаж о том, где как отмечают миллениум, перемещаясь из одной временной зоны в другую, неспешно огигая планету с востока на запад. Всякий раз, как очередной залп фейерверков рвал на части экран, мама наклонялась вперед.

– Ох, красота-то какая! Что это за праздник?

– Это Новый год, мам.

– Неужели? А какой год?

– Это 2000 год. Новое тысячелетие.

– Нет! – восклицала мама, хлопая себя по коленям и откидываясь обратно на диван. – Господи боже мой! Подумать только.

Потом она закрывала глаза и немножко дремала, пока ее не будил следующий взрыв. Она выпрямлялась и наклонялась вперед.

– Ох, красота-то какая! Что это за праздник?

К тому времени, как миллениум докатился, наконец, до их временной зоны, вся остальная планета уже спала, а у Рут страшно разболелась голова. Мы празднуем Конец Времен, мам. Коллапс электросетей и мировой банковской системы. Всеобщий разлад и конец света...

Господи боже мой! Подумать только.

Ее не беспокоили все эти дурацкие страшилки и пророчества вокруг миллениума. Страхи, питавшие ее бегство, не были столь оформлены, им не было имени, и когда в конце первого года она сидела перед телевизором и наблюдала, как президентские выборы, буксуя, движутся к финалу, ее захлестнула уверенность, что вот-вот случится нечто ужасное. Дрейфуя по воле волн, будто лодочка в тумане, она наблюдала, как среди расступающейся мглы, то тут, то там, вдруг являются картины далеких берегов, постоянно меняющегося мира.

Было уже поздно. Она отложила в сторону дневник и погасила свет. Слышно было, как рядом дышит Оливер. Дождик стучал по крыше. Закрыв глаза, она представила ярко-красную коробку для ланчей на тускло-серых волнах.

2

Утром, вооружившись большой кружкой кофе, она приступила к мемуарам с новой решимостью. Наладить заново доверительные отношения – вот что им было нужно. Незаконченная книга, оставленная без присмотра, дичала, и Рут понадобится вся ее воля, способность к концентрации и беспощадная целеустремленность, чтобы вновь ее укротить. Она шуганула кота со стула, расчистила стол и положила стопку рукописи прямо перед собой.

Взбешенный кот вспрыгнул обратно на стол, но она подхватила его поперек живота, поставила на пол и придала легкое ускорение в направлении коридора.

– Пойди навести Оливера, Пестицид. Это его ты любишь.

Кот повернулся к ней задом и прошествовал вон из комнаты, высоко задрвав хвост, демонстрируя, что с самого начала намеревался уйти.

Иногда, когда ей сложно было сосредоточиться, помогал своего рода бег на короткие дистанции – она ставила себе достижимые цели в обозримом будущем и двигалась от одной к другой. С тех пор как Оливер запустил старые часы, она с ними не расставалась; расстегнув ремешок, она стащила часы с запястья. Почти девять. Тридцать минут работы, десять – на перерыв. Посмотрев, как гладко секундная стрелка скользит по циферблату, она приложила часы к уху, просто чтобы убедиться. Тиканье действовало на нее успокаивающе. Это был красивый механизм, позднее ар-деко, черный циферблат с флюоресцентной разметкой, четкие цифры. Стальная задняя крышка была вся в щербинах – это были старые часы, но можно было различить кандзи цифр – серийный номер или что-то еще? Над цифрами были еще иероглифы. Она узнала первый. Это был кандзи 空, «небо». Второй иероглиф, 兵, тоже выглядел знакомо, но понять смысл в этом контексте ей не удавалось. Она открыла словарь иероглифов и сосчитала черты. Семь. Проглядев длинный ряд кандзи из семи черт, она нашла нужный символ. «Хэй», – прочитала она, – означает «солдат».

Небесный солдат?

Она запустила компьютер и прогуглила «небесный солдат японские часы». Всплыли сотни ссылок на сайты, где ей предлагалось посмотреть анимэ «Sky Soldier». Мимо.

Она попробовала «антикварные часы», потом «винтажные часы», потом «винтажные военные часы». В точку. Открылась целая вселенная собирателей винтажных военных часов.

Проверяя еще одну догадку, она добавила «Вторая мировая» и было «небесный солдат», но вдруг, по наитию, заменила последние слова на «камикадзе» и нажала ENTER. Завертелись колесики поисковой машины, и в считанные секунды она была уже на форуме энтузиастов военных часов, читая о происхождении механизма, который держала в руках, узнавая, что производились они компанией Seiko во время Второй мировой; части камикадзе отдавали им предпочтение. Таких часов было выпущено немало, но, в силу очевидных причин, до нашего времени дошли единицы. Часы были редкостью и предметом охоты коллекционеров. Цифры, выгравированные на задней стороне, действительно были номером, но не часов, а солдата, который их носил.

Харуки № 1?

3

Она поискала в интернете Харуки Ясутани в разных комбинациях с тем, что она могла вспомнить из дневника Нао: «небо», «солдат», «камикадзе», «философия», «французская поэзия», «университет Токио». Безуспешно. Она перешла к Харуки-второму, добавив в поиск новые ключевые слова: «компьютерный программист», «оригами», «Саннивэйл», и хотя всплыло несколько Ясутани и пара Харуки, и еще кто-то из компьютерной индустрии с похожими именами, но никто, похоже, не был связан ни с пилотом-камикадзе, ни с его племянником, отцом Нао.

Разочарованная, она вернулась к поиску жертв цунами на People Finder, вбив «Харуки» и «Томоко», но ни одно из имен не всплыло в списках погибших и пропавших без вести Ясутани. Это было облегчением. Она двинулась дальше, задав поиск на дзэн-буддийские храмы в Северной Японии, но точнее указать параметры не смогла, потому что не знала, ни где именно на севере находился храм, ни даже к какой школе дзэн он принадлежал. Она сделала попытку добавить имя Дзико Ясутани к поиску храмов, плюс «анархистка», «феминистка», «писатель» и «монахиня» в разных сочетаниях. Ничего. Она поискала на севере храмы, разрушенные цунами. Таких было несколько. Другие храмы уцелели и по мере сил помогали пострадавшим.

Стрелки на часах небесного солдата совершали круг за кругом, но она их игнорировала и продолжала читать, просматривая посты и статьи, размещенные тогда, в 2011 году, в месяцы, последовавшие за 11 марта. Психованные религиозные лидеры винили во всем гнев богов, будто бы наставших на Японию наказание – за все подряд, от материализма и преклонения перед технологиями до зависимости от атомной энергетики и бездумного истребления китов. Разгневанные родители Фукусимы требовали объяснений, почему правительство не делает ничего, чтобы защитить их детей от радиации. В ответ правительство подтасовывало цифры и задирало нормы допустимого уровня облучения; в то же самое время работники атомной станции, бившиеся с катастрофой на Фукусиме, умирали один за другим. Образовалась группа под названием «Отряд смертников-пенсионеров»⁵³, состоящая из инженеров в отставке в возрасте семидесяти-восемидесяти лет, которые вызвались заменить более молодых работников. Скакнул уровень самоубийств среди «перемещенных лиц» – людей, вынужденных перебраться на другое место в результате цунами и ядерной катастрофы. Она напечатала «смертники» и «самоубийство», а потом вспомнила про поезд. Добавила «скоростной экспресс Чуо» и «Харрики», опечатавшись в спешке – левый указательный палец слишком задержался на «р», потом вмешался правый и вместо «у» нажал на «и»; прежде чем она успела поправить, мизинец уже ударил по ENTER.

Она испустила разочарованный стон, но поиск уже был запущен – и тут при виде результатов у нее перехватило дыхание.

Это был вебсайт профессора психологии Стэнфордского университета, доктора Ронгстэда Лейстикко. Доктор Лейстикко проводил исследование повествования от первого лица на тему суицида и самоубийств. Он поместил на сайте выдержку из письма от одного из своих источников, мужчины по имени «Харри». Текст выдержки был следующий:

Суицид – это очень глубокая тема, но поскольку Вам интересно, я постараюсь пояснить для Вас мои соображения.

На протяжении всей своей истории мы, японцы, с уважением относились к суициду. Для нас это явление красоты, навечно придающее смысл, и форму, и честь нашей жизни. Это способ сообщить максимальную реальность ощущению, что мы живы. Многие тысячи лет это наша традиция.

Потому что, видите ли, это чувство, что мы живы, не так легко испытать. Несмотря на то что жизнь – это вещь, которая, кажется, имеет некую форму и вес, это не более чем иллюзия. Наше ощущение жизни не имеет реальных границ, не привязано ни к чему. Так что мы, японцы, говорим, что наша жизнь иногда кажется нереальной, как сон.

Смерть – это определенность: все мы – смертники. Жизнь постоянно меняется, как дуновение ветра в воздухе, или волна в море, или даже мысль в сознании. Потому совершить самоубийство – это все равно, что нащупать границу жизни. Самоубийство останавливает жизнь во времени, так что мы можем определить ее форму и прочувствовать ее реальность, пусть и на мгновение. Это попытка вычленив нечто настоящее и осязаемое из потока жизни, который постоянно меняется.

В наше время современных технологий мы иногда слышим, как люди жалуются, будто ничто более не кажется реальным. Все в современном мире

⁵³ Синиа Кешитаи (シニア決死隊).

– это пластик, или цифры, или виртуальная реальность. Но я скажу – жизнь всегда была такой! Даже Платон доказывал, что вещи в этой жизни – только тени форм. Это я и имею в виду, когда говорю об изменчивости и чувстве нереальности жизни.

Может быть, Вы захотите спросить меня, как именно самоубийство делает жизнь реальной?

Что ж – разрушая иллюзии. Разрушая пиксели и обнажая кровь. Входя в пещеру рассудка и вступая в огонь. Заставляя тени истекать кровью. Жизнь во всей полноте можно ощутить, лишившись ее.

Самоубийство – это Единственная Аутентичная Вещь.

Самоубийство – это Смысл жизни.

Самоубийство – это Последнее Слово, которое осталось за мной.

Самоубийство – это Время, остановленное навсегда.

Но конечно же, все это тоже иллюзия! Самоубийство – это часть жизни, соответственно – часть иллюзии.

Сегодня в Японии из-за экономической рецессии и сокращений самоубийство очень популярно, особенно у зарплатников среднего возраста, таких, как я сам. Они попадают под сокращение в своей компании и не могут больше содержать семью. Иногда у них еще и большие долги. Жене они сказать не могут, так что сидят целыми днями на скамейке в парке, как гоми. Вы знаете «гоми»? Это означает «мусор», который просто выкидывают, потому что он не годится даже на переработку. Мужчины ощущают страх и стыд, будто они гоми. Это печальная ситуация.

Что касается метода, то их существует множество. Самоповешение – один из них, и самое популярное место для суицида через повешение – рядом с горой Фудзи, в лесу Аокигахара. Это место даже получило прозвище «лес самоубийц» из-за множества зарплатников, свисающих с веток в Море Деревьев^[10].

Вот некоторые другие методы:

1. Спрыгнуть с платформы под поезд (скоростной экспресс в Чуо – один из самых популярных).
2. Спрыгнуть с крыши.
3. Метод угольных брикетов.
4. Метод с моющими средствами.

Существует множество популярных фильмов о самоубийствах, а также книг, которые учат, как применять эти методы. Я лично опробовал метод с платформой и поездом, но это был провал. Молодежь предпочитает метод № 2, прыжок с крыши, и иногда им нравится делать это вместе, держась за руки. К сожалению, суицид популярен среди молодых людей, особенно среди учеников начальной и старшей средней школы, из-за давления насчет

успеваемости и издевательств в школе. Я беспокоюсь из-за моей дочери, поскольку она молода и несчастлива в своей японской школе.

В последнее время появилась мода на клубы самоубийц, о которых Вы, наверное, уже слышали. Люди теперь могут находить друг друга в интернете и общаться в чате на тему самоубийства. Они могут обсуждать разные методы и подгонять их под себя, как им нравится, например, какую музыку выбрать для последнего саундтрека, пока умираешь? Потом, если им удастся найти гармоничных друзей, они могут разработать план. Они договорятся встретиться где-то, например, на железнодорожной станции, или перед магазином, или на скамейке в парке. Может, они будут держать что-то в руках, чтобы узнать друг друга? А может, они наденут что-то особенное? Потом они пошлют друг другу смс, и когда их глаза встретятся, они поймут, что это тот, кто нужен.

Многие члены клубов предпочитают № 3 – метод угольных брикетов. Для этого метода им нужно всем вместе взять напрокат автомобиль и поехать за город. Потом они могут поставить в CD-плеер какую-нибудь хорошую музыку и слушать ее, умирая от углекислого газа.

В большинстве случаев они любят слушать печальные песни о любви.

Прокат автомобилей в Японии недешев, а у большинства самоубийц не так много денег из-за сокращений, банкротств и т. д., так что экономично иметь побольше участников. Поэтому иногда полиция находит пять или шесть тел в одной машине.

Каждый раз, как я читаю об этом методе, я вспоминаю тот день, когда Вы позвали меня с собой за покупками в Home Depot. Помните тот раз? Вы познакомили меня с грилем Weber BBQ и брикетами с ароматом мескита. К сожалению, брикеты с ароматом мескита я в Токио найти не смог, и гриль Weber BBQ здесь тоже не слишком популярен.

Иногда мне кажется, люди в Америке никогда не смогут понять, почему японец хочет совершить самоубийство. Люди в Америке обладают сильным чувством собственной важности. Они верят в собственную индивидуальность, к тому же у них есть Бог, который говорит им, что суицид – это плохо. Так просто! Должно быть, приятно верить в такие простые вещи. В последнее время я читаю кое-какие философские книги, написанные великими умами Запада, все о смысле жизни. Они очень интересны, и я надеюсь найти в них хорошие ответы.

Насчет себя я не беспокоюсь, но боюсь, что мое поведение может оказать нездоровое влияние на мою дочь. Сперва я думал, что должен совершить самоубийство, чтобы ей не было стыдно за меня из-за моего провала найти хорошую работу с большой зарплатой, но после того как я попробовал метод № 1, я увидел столько печали у нее на лице, что переменял решение.

Теперь, думаю, я должен постараться остаться в живых, но уверенности, что я смогу это сделать, у меня нет. Пожалуйста, научите меня простому американскому пути любить свою жизнь, чтобы мне больше никогда не приходилось думать о суициде. Я хочу найти смысл в жизни ради моей дочери.

Искренне Ваш,
«Харри»

4

Дорогой профессор Лейстико!

Я пишу Вам относительно довольно важного и неотложного дела. Я писатель-романист, и недавно, когда я занималась изысканиями на тему самоубийства в Японии для проекта, над которым работаю в настоящее время, случайно набрела на Ваш сайт, посвященный исследованию повествований от первого лица на тему суицида и самоубийств. Я с большим интересом прочла исключительно трогательное письмо от источника по имени «Харри» и пишу Вам, чтобы задать вопрос о его личности. Может ли это быть японский компьютерный инженер по имени Харуки Ясутани, который когда-то жил в Саннивейле, Калифорния, и работал в Силиконовой долине во времена доткомов?

Я сознаю, что подобная просьба может показаться странной, и, без сомнения, возникнут вопросы насчет конфиденциальности, но я пытаюсь выйти на связь с мистером Ясутани или его дочерью, Наоко. Ко мне в руки довольно загадочным образом попали предметы, в том числе дневник и письма, которые, я уверена, принадлежат дочери; меня очень беспокоит ее благополучие, и я хотела бы вернуть ей предметы как можно скорее.

Если Вам понадобится любая информация, какую только я могу предоставить, я с радостью это сделаю. В прошлом я занимала позицию писателя-резидента при кафедре сравнительного литературоведения в Стэнфорде и уверена, профессор П.-Л. или любой другой член кафедры будет рад дать обо мне справки. Я надеюсь вскоре получить от Вас ответ, как только Вам это будет удобно.

С огромным уважением,

и т. д.

Она отослала мейл, откинулась на спинку стула и бросила взгляд на часы небесного солдата, лежавшие поверх нетронутой рукописи, там, где она их оставила – с тех пор прошло несколько часов. Сердце у нее упало. Второй час, пропало целое утро. А потом, будто этого было мало, она услышала шорох шин на подъездной дорожке.

5

Время и внимание взаимодействуют забавным образом. На одном полюсе Рут испытывала маниакальную одержимость, полностью сфокусировавшись на поисках в интернете; часы скапливались и волной обрушивались на день, поглощая большую его часть.

Другой крайностью было, когда внимание рассеивалось, ни на чем не задерживаясь, и тогда она ощущала гранулярную структуру времени – моменты, подвешенные в воздухе, как частицы вещества, растворенного в неподвижной воде.

Когда-то существовала и золотая середина, когда внимание ее было сосредоточенным и всеобъемлющим одновременно, подобно прозрачному пруду, залитому солнцем, окаймленному зарослями папоротника. Подводный источник питал водоем откуда-то из глубин – воздушный поток слов, пузырьками поднимавшийся к поверхности, где играл рябью легкий ветерок.

Рут помнила это блаженное состояние, какое испытывала когда-то, давным-давно, когда ей еще писалось. Теперь, как бы она ни старалась, тот Эдем вечно от нее ускользал. Источник иссяк, пруд помутнел и зарос. Она винила во всем интернет. Винила гормоны. Винила свою ДНК. Она прочесывала сайты, собирая информацию по СДВ, СДВГ, биполярному расстройству, раздвоению личности, паразитам и даже сонной болезни, но самым большим ее страхом был Альцгеймер. Она наблюдала распад рассудка матери, и ей был знаком разрушительный эффект, который эта чума оказывала на функции мозга. Как и мать, Рут частенько забывала вещи. Персеверировала. Теряла слова. Выпадала из времени.

Машина принадлежала Мюриел, и теперь они с Оливером сидели на кухне, попивая чай и беседуя о мусоре. Рут, которая спустилась из вежливости, сидела между ними, испытывая легкую скуку и теребя в пальцах стопку писем из коробки Hello Kitty. На столе рядом с коробкой стоял потрепанный тюбик японской зубной пасты Lion Brand – повод «заглянуть» для Мюриел. Она нашла его на берегу под ранчо Япов, и решила сразу занести.

Рут терпеть не могла, когда «заглядывали». Только переехав на остров, она была поражена, что люди могут запросто заехать в гости без предварительного звонка или мейла. Оливера этот обычай приводил в еще большее беспокойство. Он как-то даже спрятался в старом ящике из-под холодильника в подвале, услышав шорох шин по гравии, но эта тактика не сработала. Гости просто зашли в дом и уселись в ожидании за кухонный стол, и когда Рут, покончив с делами, вернулась, она обнаружила их в том же положении. Предложив им чаю, она осведомилась, где Оливер.

– О, его тут нет, – ответили они.

Они болтали и пили свой чай, пока Рут пыталась выяснить цель их визита. Потом она услышала загадочный шум из подвала, и в дверях появился Оливер.

– Где ты был? – спросила она подозрительно, раздраженная его долгим отсутствием, тем, что он бросил ее одну разбираться с ситуацией.

– О, гулял. В лесу, – сказал он, смахивая с волос паутину.

В конце концов гости ушли, и она приступила к нему с расспросами. Наконец он раскололся.

– Так ты, значит, просто сидел там, внизу?

Он кивнул; вид у него был несколько смущенный.

– В ящике? Все это время?

– Не так уж и долго.

– Да это было несколько часов! Что ты там делал?

- Ничего.
- Ты слушал, как мы разговариваем?
- Немного. Слов было не разобрать.
- Так что же ты делал?

Он потряс головой, умудряясь выглядеть одновременно озадаченно и немного самодовольно.

– Ничего, – сказал он. – Я просто сидел там. Мне было хорошо. Классно так. И я вздремнул.

Она правда хотела разозлиться, но у нее не получилось. Это было так на него похоже, что, наконец, она рассмеялась. Он с облегчением присоединился.

Это было у него в натуре – как «заглядывания» были в натуре острова. Какой бы странной ни была традиция, как бы ни действовала она на нервы, когда гости являлись, вы приглашали их к чаю.

Находка тюбика Lion Brand была интересным событием, и со стороны Мюриел было мило этим поделиться, но разговор перешел на период полураспада дрефта в круговых течениях, так что Рут переключила внимание на письма. Разложив страницы на столе, она расправила каждую и теперь вглядывалась в непроницаемые кандзи. По крайней мере, адрес она могла бы расшифровать. Даже название префектуры могло бы помочь. Оливер и Мюриел все продолжали беседовать, хотя разговором, как Рут показалось, это назвать было трудно. Скорее, этот обмен репликами напоминал научную конференцию – два именитых профессора по очереди занимают кафедру, сообщая информацию, которая уже известна обоим и с которой оба более-менее согласны.

– Так ведет себя пластик, – вещал Оливер, – он не подвержен биоразложению. Плавает по кругу в мировых течениях, перемалываясь в мелкие частицы. Океанографы называют их «конфетти». В гранулярном состоянии пластик способен болтаться вечно.

– В море полно пластикового конфетти, – подтвердила Мюриел. – Оно плавает повсюду, его поедает рыба, оно оседает на берегу. Оно в нашей пищевой цепи. Не завидую я антропологам будущего, как они будут пытаться понять нашу материальную культуру по всем этим разноцветным комочкам, которые будут выкапывать из наших помоек?

Последнее письмо было толще прочих. Оно было завернуто в несколько слоев промасленной бумаги. Рут осторожно сняла обертку, отложив в сторону липкую бумагу. Внутри была сложенная в четыре раза тонкая тетрадь А4 – такую студент мог когда-то использовать для экзаменационного эссе. Она развернула тетрадь и заглянула внутрь, ожидая увидеть все те же беглые иероглифы, но, к ее удивлению, буквы были латинскими, а язык – французским.

Тем временем настала очередь Оливера.

– Антропологи будущего... – начал он, но тут его прервала Рут.

– Простите, – сказала она, – мне неловко менять тему, но кто-нибудь читает по-французски?

6

Она показала им тетрадь, и теперь все по очереди пытались читать, но без особого успеха.

– Вот вам и двуязычное образование, – сказала Мюриел. Она взглянула на часы, отложила очки для чтения и начала собираться. – Попробуй позвонить Бенуа.

Рут не знала, кто такой Бенуа.

– Бенуа ЛеБек, – сказала Мюриел. – Он на свалке работает. Квебекец, ходит к А, водит вилочный погрузчик...

– А?

– АА, – ответила Мюриел. – Но на этом острове ничего анонимного нет, так что они зовут это просто А. Его жена в школе работает, и я знаю, он много читает. Его родители были профессорами литературы.

Она потянулась за тубиком Lion Brand, лежавшим рядом с покрытым моллюсками пакетом.

– Ты Калли уже звонила насчет этого? – спросила Мюриел, указывая на пакет, который уже начал источать характерный аромат, по мере того как желуди потихоньку дохли.

– Нет еще, – покаянно ответила Рут. Она собиралась, но в последнее время ей становилось все труднее снимать с телефона трубку. Ей больше не нравилось разговаривать с людьми в реальном времени.

– Ну, я тут случайно узнала, она только что вернулась из круиза и собирается пока побыть на острове. Я подумала, может, ты захочешь позвонить ей, пока эти ребята не сдохли еще сильнее.

Рут ощутила укол совести.

– Нам нужно было постараться сохранить их живыми? Я как-то не подумала...

Мюриел пожала плечами и встала.

– Наверно, это не имеет значения, но позвони ей в любом случае. Может, она что-то тебе подскажет. – Передумав, она оставила тубик на столе и властно помахала рукой в его сторону.

– Это пусть лучше останется у вас, – сказала она, – с кураторской точки зрения, так сказать, лучше будет не разделять коллекцию.

Они вышли проводить ее до машины. Сегодня на Мюриел был выдавший виды мужской кардиган поверх длинной юбки в сочетании с калошами. Рут смотрела, как она с трудом переносит свой вес, спускаясь со ступеньки на ступеньку, и думала об описанных Нао пожилых дамах в бане, о разнообразии их форм и размеров. Рут тоже ощущала свой возраст – в бедрах, в коленях. В Нью-Йорке она ходила повсюду пешком и никогда не ощущала недостатка в движении. Здесь, на острове, она перемещалась, как правило, за рулем. Она подумала о своем старом квартале в Ист-Виллидж, о кафе, ресторанах, книжных магазинах, о парке. Ее нью-йоркская жизнь до сих пор ощущалась так ярко и живо. Как Саннивэйл у Нао.

...в газиллионах миль в пространстве и времени, прекрасный, как Земля, с точки зрения космонавтов из глубокого космоса – нас с папой, живущих на космическом корабле, скитающихся в холодной черноте.

Было еще только четыре, но снаружи уже становилось темно. Дождь прекратился, но воздух до сих пор был прохладным и влажным. Они шагали по сырой траве. Оливер придержал для Мюриел дверцу машины, но тут вдруг его внимание привлекло внезапное движение над головой. Он взглянул и указал вверх:

– Смотрите!

На ветке большелистного клена, среди густых теней сидела одинокая ворона. Она была блестящая, черная, с характерной выпуклостью на лбу и толстым загнутым клювом.

– Странно как, – сказала Мюриел, – похоже на джунглевую ворону.

– Мне кажется, подвид, – сказал Оливер. – *Corvus japonensis*...

– ...также называемая большеклювой вороной, – отозвалась Мюриел. – Очень, очень странно. Ты думаешь?..

– Ну да, – ответил Оливер. – Он просто возник в один прекрасный день. Я думаю, он приехал на дрейфующем мусоре.

– Заглянуть решил, – сказала Мюриел. Она знала об их отвращении к внезапным визитам и находила это забавным.

Ворона расправила крылья и скакнула вдоль по ветке.

– Откуда ты знаешь, что это «он»? – спросила Рут.

Оливер пожал плечами, будто вопрос был несущественным, но Мюриел кивнула.

– Хорошо подмечено, – сказала она. – «Он» может быть и «она». Бабушка Ворона, или Т’Этс, на языке слиаммонов. Она из магических предков, которые могли менять облик, превращаясь в животное или человека. Она спасла жизнь своей внучки, когда та забеременела и отец приказал племени бросить ее. Отец приказал ворону П’а погасить все костры, но Т’Этс спрятала тлеющий уголек в раковине для своей внучки и спасла девушке жизнь. Девушка родила семерых щенят, которые потом сбросили шкуру, превратились в людей и стали народом слиаммонов, но это уже совсем другая история.

Упершись рукой в кузов, она медленно опустилась на водительское сиденье. Рут помогла ей, поддерживая под локоть.

Ворона наблюдала за происходящим со своей ветки. Когда Мюриел надежно устроилась внутри, она вытянула шею и издала единственное хриплое «кар».

– И тебе тоже до свидания, – сказала Мюриел, запуская мотор, и помахала ей рукой. Ворона склонила голову на бок и смотрела, как машина медленно движется по извивам длинной подъездной дороги, становится все меньше и меньше и исчезает, наконец, за поворотом среди высоких деревьев. Оливер пошел в сад сорвать к ужину зелени, но Рут осталась у поленницы постоять еще и понаблюдать за вороной.

– Эй, ворона, – сказала она.

Ворона склонила голову набок. *Ке*, – ответила она. – *Ке, ке*.

– Что ты здесь делаешь? – спросила Рут. – Чего тебе надо?

Но в этот раз ворона не ответила. Она просто смотрела прямо на Рут черным блестящим глазом. И ждала. Рут была уверена, что ворона чего-то ждала.

Нао

1

Трудно писать о вещах, которые случились в прошлом давным-давно. Вот Дзико рассказывает мне все эти дико интересные истории из своей жизни – ну, как ее идола, знаменитую анархистку и антиимпериалистку Канно Сугако, повесили за измену Родине, или как мой двоюродный дед Харуки № 1 погиб, атакуя американский военный корабль, выполняя самоубийственное задание, – и все кажется таким реальным, пока она говорит, но потом я сажусь записывать, и истории ускользают, ощущение реальности уходит. Прошлое – странная штука. Нет, правда, оно вообще существует? Ощущение такое, что существует, но где? И если оно существовало, но сейчас не существует, то куда оно делось?

Когда старушка Дзико говорит о прошлом, глаза у нее словно обращаются внутрь, она будто вглядывается во что-то, погребенное в глубине, в мозге костей. Глаза у нее мутно-голубые из-за катаракт, и, когда она вглядывается вот так внутрь себя, она будто уходит в иной мир, замерший в глубине льда. Дзико называет свои катаракты *куугэ*, это значит «цветы пустоты»⁵⁴. Мне кажется, это красиво.

Прошлое старой Дзико очень далеко, но даже о прошлом, которое случилось не так давно, как, например, моя собственная счастливая жизнь в Саннивэйле, писать довольно трудно. Эта счастливая жизнь кажется реальнее, чем моя реальная жизнь, существующая сейчас, но одновременно это как воспоминание какой-то совершенно другой Нао Ясутани. Может, той Нао из прошлого на самом деле никогда и не было, кроме как в воображении этой Нао из настоящего, сидящей здесь, в кафе французских горничных в Акиба, Городе Электроники. Или, может, все ровно наоборот.

Если тебе приходилось когда-нибудь вести дневник, ты знаешь – проблема с описанием прошлого скрывается в настоящем: даже если пишешь очень быстро, все равно вечно застреваешь в *тогда* и никогда не успеваешь за тем, что происходит *сейчас*, а это значит, что *сейчас* обречено на вымирание. Бездна, правда. Нельзя сказать, что *сейчас* всегда бывает таким уж интересным. *Сейчас* – это, как правило, всего лишь я, сижу в захудалом кафе с горничными или на каменной скамейке у храма по пути в школу, двигаю ручкой по странице туда-сюда тысячу миллионов раз, пытаюсь догнать саму себя.

Когда я была еще совсем ребенком в Саннивэйле, я вдруг стала одержима словом *now*. Дома мама с папой разговаривали на японском, но все остальные говорили по-английски, и иногда я застревала между двумя языками. Когда это случалось, повседневные слова и их значения вдруг теряли друг друга, и мир становился странным и нереальным. Слово *now* казалось мне особенно странным, потому что это *была* я, по крайней мере, по звучанию. Нао стала *now*, получив в придачу еще целое второе значение.

В Японии у некоторых слов есть котодама⁵⁵ – это дух, который обитает в слове и придет ему особую силу. Котодама слова *now* был похож на скользкую рыбу, гладкого толстого тунца с большим животом и головой и хвостиком поменьше и выглядел примерно так:

⁵⁴ *Куугэ* (空華) – буквально «пустота» или «небо» + «цветы»; идиома для катаракты; также название главы 43 из *Сёбогэн-дзо* Догэна, учителя дзэн. Кандзи *ку* (空) имеет несколько значений, в том числе «небо», или «пространство», или «пустота», как в *空兵* (небесный солдат). Выражение *небесные цветы* относится к помутнению зрения от катаракты, но в традиционном буддийском понимании *цветы в небе* означают иллюзии, кармические препятствия на пути личности. Догэн, похоже, интерпретирует выражение заново как «цветение пустоты», другими словами – состояние просветления. Все вещи в мире, говорит он, – это вселенское цветение пустоты.

⁵⁵ *Котодама* (言霊) – буквально «речь» (*кото*) + «дух» или «душа» (*тама*).

По ощущению *NOW* был вроде большой рыбы, которая глотала маленькую, и мне хотелось поймать его и заставить прекратить это занятие. Я была всего лишь ребенком и думала, если смогу по-настоящему понять смысл большой рыбы *NOW*, у меня получится спасти маленькую рыбку *Наоко*, но слово вечно ускользало от меня.

Думаю, в то время мне было лет семь или восемь, и я, бывало, сидела сзади в нашем «вольво-универсале», глядя на поля для гольфа, и торговые центры, и ряды домов, и фабрики, и соляные пруды, несущиеся мимо вдоль фривея Бейшоу, а вдалеке сверкали синие воды залива Сан-Франциско, и окно я держала открытым, чтобы сухой, горячий, пахнущий бензином воздух обдувал мне лицо, и шептала: «Now!.. Now!.. Now!..» снова и снова, быстрее и быстрее, бросая слова ветру, пока мир пролетал мимо, и пыталась поймать момент, когда *сейчас* становится *NOW*.

Но пока ты произносишь «*сейчас*», оно уже кончилось. Оно уже превратилось в *тогда*.

Тогда – это противоположность *сейчас*. Так что *сейчас* уничтожает собственное значение, когда его произносишь. Вроде как слово совершает самоубийство, или типа того. Так что я начала его сокращать... *now, ow, oh, o...* Пока это не стало просто россыпью невнятных маленьких звуков, вообще совсем даже не словом. Это было безнадежно, все равно, что пытаться удержать снежинку на кончике языка или поймать пальцами мыльный пузырь. Пойманные, они прекращали существовать, и я чувствовала, что исчезаю тоже.

Подобные штуки могут свести с ума. О таких вещах мой папа думает постоянно, читая «Великих умов философии Запада», и, наблюдая за ним, я поняла, что рассудок свой надо беречь, потому что, если этого не делать, можешь закончить головой на рельсах.

2

Папин день рождения был в мае, а похороны мои случились месяц спустя. Папа был настроен довольно оптимистично, ведь он сумел прожить еще целый год, а еще он только что занял третье место в «Великих войнах насекомых» со своим *Cyclommatus imperator*⁵⁶, а это было нехилым достижением, потому что сделать расправленные крылья очень и очень непросто. Так что дела у папы шли совсем неплохо для личности с суицидальными наклонностями, и у меня все тоже было о'кей, для жертвы пыток. Ребята в школе все еще делали вид, будто я – невидимка, только теперь этим занимались все девятые классы, не только мой. Понимаю, это звучит достаточно дико, но в Японии это дело обычное, даже название для этого есть, а именно дзэн-ин сикато⁵⁷. Так что вокруг меня разворачивалось масштабное дзэн-ин сикато, и когда я проходила по школьному двору или по коридорам, или пробиралась к парте, то слышала, как одноклассники говорят что-нибудь вроде: «Переводная ученица Ясутани неделями не является в школу!». Они никогда не называли меня Нао или Наоко. Только «переводная ученица Ясутани» или просто «переводная ученица», будто у меня даже имени не было. «Переводная ученица болеет? Может, у переводной ученицы какая-нибудь мерзкая американская болезнь. Может, министерство здравоохранения поместило ее в карантин. Переводной ученице самое

⁵⁶ Гигантский жук-олень.

⁵⁷ Дзэн-ин сикато (全員しかと) – буквально «всех людей остракизм» или «все игнорируют».

место в карантине. Она байкин⁵⁸. Фуу, надеюсь, она не заразная! Она заразная, только если ты займешься с ней этим. Фу, гадость! Она бомжиха. Я бы с ней не стал! Ага, это потому, что ты импотент. Заткнись!»

Ничего нового. Обычно все это говорилось мне в лицо, вот только теперь они говорили это друг другу, но все равно рядом со мной, чтобы мне слышно было. Другие штуки они тоже делали. Когда приходишь в японскую школу, сразу попадаешь к рядам шкафчиков, где тебе нужно снять уличную обувь и надеть сменку. Они ждали, пока я останусь в одном ботинке, вторая нога на весу, а потом врезались в меня, сбивали с ног и шли прямо по мне, будто меня тут не было. «Фууу, воняет!» – говорили они. «Че, кто-то на собачье дерьмо наступил?»

Перед физкультурой нужно переодеваться в спортивную форму, но школа моя была настолько убогой, что у них не было даже нормальных раздевалок, как в Саннивэйле, так что все переодевались прямо в классе, у своих парт. Девочки – в одном классе, мальчики – в другом, и надо было стоять здесь и снимать одежду и натягивать эту идиотскую форму, и, как только я раздевалась, девочки зажимали носы и рты и говорили: «Нанка кусай йо!»⁵⁹ Что-то сдохло?». Может, так у них и возникла идея похорон.

3

Примерно за неделю до летних каникул у меня возникло жуткое чувство, будто что-то опять изменилось. Перемены были незаметными, почти неощутимыми, но я сразу врубилась, и, если тебе приходилось когда-либо проходить через дедовщину, или пытки, или за тобой охотились, или преследовали, ты поймешь – это правда. Читать знаки учишься быстро, потому что от этого зависит твоя жизнь, вот только в этот раз не происходило практически ничего. Меня больше не сбивали с ног и не наступали в гэнкане⁶⁰, и никто не отпускал замечаний, что я больна или воняю. Вместо этого они все ходили вокруг меня очень тихо, с исключительно печальным видом, и когда кто-то из мелких зубрил вдруг не выдержал и начал хихикать, когда я проходила мимо, ему быстро дали пенделя. Я знала, вот-вот что-то произойдет, и это сводило меня с ума. Потом в обеденный перерыв я заметила, как они передают что-то из рук в руки, вроде как сложенную бумагу, типа карточек, но мне, конечно, никто ничего не передавал, так что пришлось ждать до второй половины дня, когда заканчивались клубы, чтобы что-то узнать.

В тот день я вернулась после школы домой, как обычно, и болталась по квартире, притвораясь, что делаю уроки, и пытаюсь выдумать предлог, чтобы пойти на улицу опять, и тут папа начал шебуршать повсюду, явно что-то разыскивая, а потом я услышала вздох, и это значило, что искал он сигареты, и пачка была пуста.

– Урусай йо! – сказала я сердито. – Табако катте койо ка?⁶¹

Мое предложение было исключительно щедрым. Папа не любит выходить на улицу, хотя автоматы с сигаретами – всего в паре кварталов от нас, но я, как правило, отказываюсь ходить ему за сигаретами, потому что из всех способов покончить с собой курение – самый глупый и самый дорогостоящий. Если вдуматься, зачем давать деньги и так богатым табачным компаниям за то, что они тебя убивают, верно? Вместо пластиковых шлепок, которые мы надевали, когда шли куда-нибудь по соседству, я натянула кроссовки для бега и по пути к двери сунула в карман маленький кухонный нож. Сбежала вниз по переулку и притаилась за рядом торговых автоматов, которые продают сигареты, порножурналы и энергетики.

⁵⁸ Байкин (ばい菌) – микроб.

⁵⁹ Нанка кусай йо! – Что-то воняет!

⁶⁰ Гэнкан (玄関) – вестибюль, фойе.

⁶¹ Урусай йо! Табако катте койо ка? – Нельзя ли потише! Ты хочешь, чтобы я сходила за сигаретами?

Ждала я Дайсукэ-куна. Он был из моего класса и жил с мамой в том же доме, что и мы. Был он помладше меня, маленький и тощий, как насекомое-палочник, а мама его была не замужем и хостесс, так что к нему цеплялись почти так же, как и ко мне. Дайсукэ-кун был исключительно жалким созданием, и вот, наконец, он появился – брел, спотыкаясь, по улице, прижимая сумку к груди, держась поближе к высокой бетонной стенке. Он был из тех ребят, которые даже в штанах выглядят так, будто им следовало бы надеть шорты. Несуразная головенка, вертящаяся на длинной тощей шее, выпученные глаза стреляют во все стороны, хотя никто за ним не шел, – один его вид просто сводил с ума и страшно меня взбесил, и когда он проходил мимо автоматов, я выпрыгнула, схватила его и затащила в переулок, и, думаю, адреналин у меня зашкалил от ярости, придав мне сверхчеловеческие силы, потому что справиться с ним было легче, чем снять с веревки носок. Честно, это было отпадное ощущение. Я чувствовала себя такой крутой. Могущественной. Именно так, как представляла себе, когда фантазировала о мести. Я сбила с него школьную фуражку и схватила за волосы и толкнула на колени перед собой. Он скорчился и замер, как малютка-таракан, когда включаешь свет на кухне, за секунду до того, как раздавишь его тапком. Я задрала ему голову и прижала к горлу кухонный ножик. Нож был острым, и было видно, как на его тщедушной шее пульсирует вена. Перерезать ее ничего не стоило. И ничего бы не значило.

– Наками о мисеро!⁶² – сказала я, пиная его сумку носком кроссовки. – Выверни ее!

Мой голос звучал низко и грубо, как у сукэбан⁶³. Я даже сама удивилась.

Он открыл школьную сумку и начал вываливать все, что было внутри, к моим ногам.

– У меня совсем больше нет денег, – заикаясь, сказал он. – Они уже все забрали.

Конечно, забрали. Заводили нашей школы, под предводительством настоящей сукэбан по имени Рэйко, организовали маленький такой бизнес – разводили на деньги неудачников вроде меня и Дайсукэ.

– Мне не нужны твои вонючие деньги, – ответила я. – Мне нужна карточка.

– Карточка?

– Которые они раздавали в школе. Я знаю, у тебя есть. Дай ее мне. – Я пнула его пенал с ультраменом; ручки и карандаши разлетелись веером. Опустившись на четвереньки, он шарил среди учебников. Наконец он протянул мне карточку, свернутую из бумаги, тщательно стараясь не смотреть мне в глаза. Я схватила карточку.

⁶² *Наками о мисеро!* – Покажи, что внутри!

⁶³ *Сукэбан* (スケ番) – девушка-босс, девушка-хулиган.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания переводчика

1.

С точки зрения английского (и, видимо, японского), это выражение – *for a time being* – имеет несколько смыслов: «существуя во времени», «существуя на время». И даже «для временного существа».

2.

Речь идет о носках, которые носят школьницы в Японии, – длинные, до колена, собираются в гармошку на щиколотках.

3.

Лавотель (японцы произносят это как «рабухо») – типично японское явление: отель, где можно снять комнату на час или два с вполне определенной целью. Ресепшен часто полностью автоматизирован или устроен так, чтобы лиц клиентов никто не видел.

4.

Десолейшн-Саунд (*Desolation Sound*) – пролив в Британской Колумбии, буквально: «Пролив Запустения», но также может переводиться как «Звук Отчаяния».

5.

Флотсем и джетсем – термины морского права.

6.

Кьюпи (от англ. *cupid* – купидон) – популярные куклы-пупсы, придуманные художницей Рози О'Нейл в 1909 году.

7.

Япы (*Japs*) – пренебрежительное обозначение японцев в англоязычной традиции.

8.

«Ключевые деньги» (рейкин) в Японии – обязательный разовый платеж хозяину при съеме квартиры обычно в размере аванса, но сумма может доходить и до полугодовой арендной платы. Деньги считаются подарком и не возвращаются при расторжении договора.

9.

Энвайронменталист от английского *environment* – «окружающая среда».

10.

Море деревьев – буквальный перевод названия Аокигахара с японского.